

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ ОТ ЗВЕЗДНОГО ТАНДЕМА А. И С. ЛИТВИНОВЫХ

Дата собственной смерти

•
**Все девушки любят
бриллианты**

Анна и Сергей Литвиновы
Дата собственной смерти. Все
девушки любят бриллианты (сборник)
Серия «Двойной детектив от звездного тандема»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12216656

Дата собственной смерти ; Все девушки любят бриллианты : [романы] / Анна и Сергей

Литвиновы: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80832-8

Аннотация

«Дата собственной смерти»

Полковник Ходасевич был не рад, что согласился оказать услугу своему дачному соседу. Денис попросил его расследовать убийство отца. Несколько дней назад джип владельца фирмы «Древэкспорт» Бориса Конышева взлетел в воздух. Все в этой истории было нестандартно. Завешание зачитали прямо на поминках, где, помимо Дениса, присутствовали две его сестры и их мачеха. Все свое состояние отец завещал жене, дети остались с носом. Но, невзирая на скандал, переночевать решили в доме мачехи, а ночью ее зарезали...

«Все девушки любят бриллианты»

Москвичка Таня Садовникова, умница и красавица, однажды получает невероятное письмо из Парижа. Двоюродная бабушка, княжна Фрайбург, сообщает, что в окрестностях черноморского города спрятан чемодан с золотом, драгоценностями, картинами русского авангарда... Татьяна отправляется на поиски сокровищ. Однако в тот момент, когда она открывает заветный чемодан, за ней начинается настоящая охота...

Содержание

Все девушки любят бриллианты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анна и Сергей Литвиновы
Дата собственной смерти. Все
девушки любят бриллианты (сборник)

© Литвинов С. В., Литвинова А. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Все девушки любят бриллианты

Данное произведение является плодом фантазии авторов. Всякое совпадение или же сходство с реальностью имен, названий, характеров и обстоятельств романа является абсолютно случайным и остается целиком и полностью на совести читателя.

Он накинул черный шелковый халат и спустился на первый этаж в библиотеку. Присел к компьютеру. Пальцы забегали по клавиатуре. Пароли, единожды взломанные, открывались легко.

Компьютеры НАСА не заметили несанкционированного вторжения.

К бесчисленному количеству сигналов, которыми непрерывно обменивались компьютер в Центре управления полетом в Хьюстоне и спутник-шпион HGS-1, добавился еще один.

HGS-1, находящийся на геостационарной орбите на высоте 36 000 километров над Землей, словно висел неподвижно над одной точкой европейской части России. Его антенны, фиксирующие радиоизлучение, были направлены вертикально вниз. Теперь HGS-1, повинаясь командам из Центра, начал наблюдение еще за одним объектом.

Данные этого наблюдения не фиксировались в памяти ЭВМ НАСА. По компьютерным сетям они уносились за тысячи миль от Хьюстона – в частный особняк с наглухо зашторенными окнами.

Человек в шелковом халате вглядывался в огромный монитор.

Его длинные пальцы пробежали по клавишам. Он увеличил масштаб. Основную часть экрана заняла Московская область. Человек выбрал район и увеличил его изображение. Масштаб стал максимальным. Теперь весь экран занимала Москва. На мониторе появились расчерченные компьютером с удивительной точностью улицы русской столицы. Стала отчетливо видна светящаяся точка. Объект двигался, следуя от центра Москвы к окраине. Скорость движения составляла около 60 километров в час – данные высветились в правом углу экрана.

Куда это она? В Москве сейчас полпятого утра. Куда она может ехать в столь ранний час? Одна ли она? Что-то похожее на ревность кольнуло его сердце.

Чепуха какая.

Светящаяся точка остановилась на окраине Москвы. Он попытался разглядеть нанесенное на карту название улицы. Кажется, она здесь живет. В самом деле – сигнал прекратил движение... Она – дома...

Ну что ж, спокойной ночи, дорогая...

На карте не происходило больше никаких изменений. Светящаяся точка застыла в юго-восточном углу экрана. Рядом на карте начинался парк. Наверно, в Москве сейчас поют соловьи...

Он быстро вышел из программы.

Его вторжение в сеть НАСА осталось, как всегда, никем не замеченным.

* * *

Таня вернулась домой под утро.

Солнце еще не взошло, но уже светало, и из парка напротив ее дома доносились трели первых соловьев. Стелющийся туман означал, что день будет солнечным – прекрасный день раннего московского лета. Ее дом, как и дома рядом, еще спал. Скоро люди проснутся и заспешат на работу. А ей на работу не нужно – и это на все лето.

Таня бесцельно побродила по квартире. В голове и во всем теле еще чувствовалось легкое возбуждение, вроде озноба. Так всегда бывает после ночи танцев в клубе. Что-то пьянящее – хотя выпила она только два некрепких коктейля. Зато сколько музыки, сколько мужского внимания, сколько внутренней свободы... И слава богу, подумала Таня, что ты никого не привела сюда. И ни с кем не поехала. После безумной ночи хорошо побыть наедине с соловьиными трелями за окном, с уютной квартирой, с самой собой...

Таня стянула кофточку и швырнула ее в стирку. Бродя по своей квартирке, расстегнула лифчик. Задержалась у зеркала. «Ах, как я хороша!» – подумала она и засмеялась.

Спать не хотелось, но она знала, что едва уляжется – тут же провалится в тяжелый и глубокий сон. Таня оттягивала этот момент. Ей жаль было расставаться с собой, такой красивой и возбужденной, и с этим прекрасным утром.

От нечего делать она включила автоответчик. На табло высветилось семь звонков. Первый. Бросили трубку. Наверняка – Печальный Гарик. Проверяет ее и боится в этом признаться.

Второй:

– Танюшечка, это я. Свет очей моих, солнце души моей, соизволь позвонить мне, счастье мое. Припадаю к твоим коленям!

Димка. Нет уж. Ему она звонить не будет. Появляется из ниоткуда, осыпает цветами, обволакивает красивыми словами, проводит ночь, а наутро исчезает. Исчезает в никуда. И не появляется месяц, а то и два. Хватит, Димочка. Я тебе не девочка по вызову – звонить, когда тебе приспичит. Я – современная женщина. И я выбираю – сама. И выбираю – не тебя.

Таня сбросила юбку и трусики и прошла на кухню совсем голенькая. Огромное зеркало в коридоре услужливо отразило ее точеную фигурку.

Автоответчик орал на всю квартиру.

– Это я! Таня, возьми трубку! – звучал командирский голос ее матери. – Тебя что, нет дома? Как вернешься, срочно позвони мне! Слышишь – срочно!

Еще звонок. И снова – мама.

– Таня, ты что, еще не вернулась? Как вернешься, сразу же перезвони! Есть важные новости! Таня, перезвони тут же! Поняла?

Какие там у нее важные новости? На работу ее взяли, что ли?

Даже если бы Таня вернулась не в шесть утра, а в одиннадцать – все равно тут же, немедленно, перезванивать бы не стала. Знаем мы эти новости. Опять впечатляющая победа в тяжбе с очередным магазином. Или – того хуже – встретила она свою институтскую подругу, у которой «сын – такой прекрасный мальчик: умный, интеллигентный и неженатый...». Мама страшно переживала, что Таня – в ее-то двадцать пять лет! – до сих пор не вышла замуж.

На автоответчике был еще один звонок от страховщицы, она просила не забыть, что приближается срок очередного взноса за Танину машину. И опять – мама. Вот ведь упорная женщина!..

Ничего. Потерпит, пока Таня проснется.

Таня решительно стерла все записи и отключила телефон: ведь мать будет названивать с самого утра. Потом разобрала постель и нырнула под скользкую ткань пододеяльника. Соловьи в парке распевали уже вовсю.

Таня понежилась в постели. Впереди три месяца ничегонеделания. Сперва отпуск. Потом – два месяца за свой счет. А с сентября – учеба в Беркли. Таня и хотела, и не хотела этого. Два года под пальмами Калифорнии. Два года вдали от Москвы. Зато через два года она сможет писать на визитках приставку «Dr.». Доктор Танька! Во будет приколы!

«Интересно, там, в Калифорнии, соловьи есть?» – подумала она, засыпая, и засмеялась...

* * *

Ну что за дрянная девчонка!

Три раза ведь сказала ей на автоответчик – позвони, позвони срочно, в любое время, – а ей хоть бы что! Вернулась, наверно, под утро, а теперь дрыхнет там у себя. А уже – кошмар! – полвторого. Ну что за безалаберная девчонка! Нет, в ее годы Юлия Николаевна такого себе не позволяла.

Юлия Николаевна задумалась: а что она, собственно, могла себе позволить в Танином-то возрасте?..

Когда ей было двадцать пять, Танюшке было уже три годика. К восьми утра она тащила ее в садик. Сама мчалась на работу.

Она была младшим научным сотрудником с окладом 120 рублей. И еще – заместителем секретаря комсомольской организации института. Огромного научного института. Только в комсомольской организации было семьдесят человек. И еще она заканчивала заочную аспирантуру. И писала диссертацию. Домой возвращалась за полночь. Слава богу, мама, Анна Николаевна, еще была жива.

Она перетащила маму в Москву из их родного Ростова.

Бабушка забирала Танюшку из садика. Кормила ее. Купала. Рассказывала на ночь сказки...

Юлия Николаевна возвращалась, когда Танечка уже спала. И хорошо, что спала, – на ребенка у мамы просто не было сил... А жили они вдвоем в комнате в общежитии-малосемейке. Удобства – в конце коридора. И никакой личной жизни.

«А эта? – подумала Юлия Николаевна о дочери. – В ее-то двадцать пять – своя квартира. Работа, на которой Таня гребет деньги лопатой. Пижонская иномарка... Но разве не об этом ты мечтала, – спросила себя Юлия Николаевна, – когда пробивалась в Москву? Когда цеплялась за столицу руками и зубами? Разве не ты мечтала, чтобы дети твои были избавлены от борьбы за выживание? От «покорения столицы»?.. Об этом мечтала, об этом».

А все равно было обидно. И еще она немного завидовала дочери. Хотя, надо признать, всех своих успехов: квартиры, машины, денежной работы – Таня, как в свое время Юлия Николаевна, добилась сама. Никто ей не помогал. Да и чем Юлия Николаевна могла помочь! Разве что привить дочери свои лучшие качества: целеустремленность, силу духа, волю к победе... Но вот так бессовестно относиться к матери она ее не учила. Ей нужно посоветоваться с Таней, поделиться с ней – а та бессовестно дрыхнет. А ведь уже полвторого.

* * *

Юлия Николаевна уже два года как была уволена по сокращению штатов из своего НИИ. Весь ее отдел, работавший на «оборонку», оказался никому не нужен. Не помогли ни кандидатская степень, ни месткомовский опыт.

Сначала Юлия Николаевна решила: обходятся без меня – ну и пусть. Я всю жизнь ишачила, теперь могу расслабиться. Тем более что на бирже труда ей платили три четверти ее последнего (довольно-таки приличного) заработка. Остались и кое-какие накопления от продажи дачи – хибары в очень дальнем Подмоскowie.

И Юлия, словно пенсионерка, решила насладиться блаженным покоем. Она радовалась тому, что могла спокойно посмотреть «Жестокий романс», который почему-то показывали с часа до трех ночи, и потом проспять до полудня. Радовалась тому, что не надо вздрагивать от воя будильника в семь утра, собираться в спешке на работу, а можно спокойно спать сколько хочется.

Она вдоль и поперек изучила Третьяковскую галерею, которую как раз открыли после долгой реставрации. Изучила обстоятельно, выделяя на каждого крупного художника по целому дню. Ходила в театры и на симфонические концерты.

Приглашала в гости подружек и баловала их тщательно продуманным меню и любовно приготовленными яствами...

Но через несколько месяцев Юлия Николаевна отчаянно заскучала.

Оказалось, что телевизор, если его смотреть сколько хочется, быстро надоедает. Театры, концерты и выставки – тоже. Да и подруги – чего там нового они расскажут?

Мужа – как, впрочем, и любовника – у Юлии Николаевны не было. И не хотелось заводить... Таня выросла. И считала себя *абсолютно взрослой*. Она решительно отвергла мамино предложение жить вместе, а вторую квартиру сдавать: «Это, мамми, у тебя нет личной жизни, а я нуждаюсь в отдельной жилплощади». Жестоко сказано. Таня могла быть жестокой к матери, сама не замечая того.

Не обрадовалась Татьяна, даже когда Юлия Николаевна предложила приходить к ней и готовить ужины, – сказала, что у нее «иные кулинарные пристрастия». Таня явно решила «держаться дистанцию». И сделать с этим мама ничего не могла.

Появилось жутковатое чувство собственной невостребованности. Своей никому ненужности.

Ненужности ни дочери. Ни мужчинам. Ни Родине.

Юлия Николаевна просыпалась в своей квартирке. Читала. Смотрела телевизор. Звонила подругам – а подруг было у нее множество. Время проходило, словно в поезде, когда надобно просто дожидаться конечной остановки. Но Юлия Николаевна понимала, *какая* в ее случае будет конечная станция...

А ведь ей всего 47 лет. Она стройна. Она хороша собой. Подумать только: всего десять лет назад, после развода, ей казалось, что вся жизнь еще впереди...

На бирже труда стали платить все меньше. Скоро эти выплаты и вовсе должны были закончиться. Кроме того, народу там заметно прибавилось, и для того, чтобы попасть на прием к «своему» инспектору, Юлии Николаевне приходилось раз в неделю вставать в четыре утра.

«Биржевой» день был для нее просто адом. А работу там предлагали несерьезную. Инженер с двадцатипятилетним стажем, кандидат наук, оказался нынче никому не нужен. Предлагали работу курьера за четыреста рублей в месяц. Машинистки – за восемьсот. Санитарки – за двести... А пуще всего требовались водители автобусов, каменщики, маляры... Все это выглядело как издевательство. Пока еще оставались, правда, сбережения от дачи. Они плюс скромное пособие плюс режим жесткой экономии помогали держаться. Да и Таня порой подбрасывала денюжат...

Но все равно – сидя в надраенной до блеска квартире, Юлия Николаевна кропотливо просматривала все газеты, где предлагалась хоть какая-то работа. Она несколько раз сходила на презентации, которые устраивали вербовщики «гербалайфа» и косметики, и чуть было не ввязалась в это дело – слава богу, дочка отговорила. Закончила краткосрочные курсы бухгалтеров – и с ужасом обнаружила, что все равно никогда не сможет сама составить баланс. Годы уже не те, чтобы вот так, запросто, в несколько месяцев освоить новую профессию.

Почувствовать свою востребованность Юлии Николаевне помог случай.

Теперь она, разумеется, покупала продукты на оптовом рынке. У нее появилось время делать покупки более обстоятельно. Подозрительные по качеству товары она относила в СЭС. Если чувствовала недовес – на контрольные весы. И практически всегда ее подозрения сбывались.

Юлия Николаевна принялась бороться с нечистыми на руку продавцами. Как опытный управленец, она знала, по каким инстанциям надо ходить и что нужно делать, чтобы обыч-

ной *кляузе* был дан законный ход. Она писала, порой получала в ответ отписки, снова писала, теперь уже в вышестоящую инстанцию. И добивалась своего. Брала упорством, грамотными текстами, тем, что ее письма выглядели солидно – набранные на компьютере, с описью прилагаемых вложений (копия чека, копия заключения СЭС...).

Несколько палаток на рынке закрыли по результатам проверок писем Юлии Николаевны. Заодно построили стоянку для грузовиков – она несколько раз обращалась в мэрию в связи с тем, что фуры создают пробки на их узкой улице.

Дочь восхищалась мамиными талантами. Кроме того, она радовалась тому, что Юлия Николаевна, слава тебе, господи, при деле и не лезет в ее, Танину, личную жизнь. К тому же мамина бурная деятельность приносила ощутимую пользу и ей.

Более всего Таня была рада так называемому «меховому процессу».

В октябре она купила себе песцовую шубу. В ноябре начала ее носить. Оказалось, что мех песца хорош всем – кроме того, что оставляет на одежде огромное количество ворса. Не только синтетические колготки, но даже хлопчатобумажные джинсы мгновенно покрывались густым слоем белой шерсти.

Таня сунулась в магазин сама, пытаясь шубу вернуть или поменять, но там ее подняли на смех: «Да вы что, девушка?! Надо было смотреть, что берете!»

Тогда за дело взялась Юлия Николаевна. Пообщавшись с несметным количеством чиновничьих инстанций – от Комитета по защите прав потребителей до Лицензионной палаты, – она добилась-таки своего. Ей удалось доказать, что шуба некачественная, и директор магазина, которого замучили проверками, лично звонил ей домой, умоляя прийти, сдать товар и получить назад все – все до копейки! – деньги.

На вырученную – в буквальном смысле вырученную! – сумму Таня купила себе шубу из кусочков норки в другом магазине. Еще и осталось немного. «Добавку» дочка с благодарностью вручила Юлии Николаевне. И, вдохновленная впечатляющей победой, предложила маме организовать свой маленький бизнес, а именно: помогать тем потребителям, которые не могут сами справиться с наглыми торговцами, и получать в случае победы процент от вырученных денег. (Общества потребителей за одну консультацию уже брали непомерно много, а Юлия Николаевна готова была работать бесплатно до победы – и только потом делиться.)

Был составлен текст в газету бесплатных объявлений. Закуплены конверты. Ежедневно Юлия Николаевна покупала газету и посылала туда свою рекламу на вырезанном бланке.

Через месяц после того, как «защитница потребителей» заявила о себе, у нее появился первый клиент. Она добилась замены сломавшейся микроволновой печи и получила за труды 300 рублей.

Конечно, денег новая работа приносила не слишком много, но Юлия Николаевна была и этому рада. А пуще всего радовалась тому, что она снова при деле. Снова кому-то нужна. И клиентам, и дочери.

Та уже жаловалась, что ее норковая шуба тоже оказалась некачественной – разлезается по кускам... Дочь очень надеялась на то, что к весне мамми и норку сбавит, а она, Таня, приобретет репутацию роскошной женщины, которая меняет меха каждый сезон.

* * *

Переписка у Юлии Николаевны была, особенно по нынешним телефонизированным временам, весьма обширной. Она писала (и регулярно получала обратную корреспонденцию): двоюродной сестре Натусе в Севастополь; школьной подруге Галке в Черновцы; институтской подруге Толстой Миле, которую судьба забросила в Магадан; и еще двум подругам – Вере в литовский город Игналина и Нине в нашенький Нижний Новгород. Кроме

того, по своим делам «боев за справедливость» она имела эпистолярные сношения с аппаратом мэра, правительством Москвы, префектурами, а также разнообразными торговыми и промышленными предприятиями. Так что, помимо бесплатных газет «Экстра М» и «Центр Плюс» и бесчисленных рекламных листовок почта почти всякий день приносила ей то официальное, а то приватное письмо. Вот и нынче она достала из почтового ящика в мерзлом подъезде длинненький конверт. Конверт был с нездешней маркой и обратным адресом, напечатанным латинскими буквами. Сердце екнуло: «Неужели?..»

Уже полгода Юлия Николаевна занималась «генеалогическим проектом», как со смехом называла эту затею Таня. (Иной раз Таня намеренно путала и называла проект «гинекологическим».)

Раз в неделю Юлия Николаевна посылала в парижскую газету (аналог нашей «Из рук в руки») объяву, в которой она просила откликнуться своих родственников, – благо специально за бланки международных объявлений платить было не надо: все равно ради отечественных квитков газета покупалась каждое утро.

Юлия Николаевна хотела восстановить историю своего рода, уходившего корнями в легендарное дореволюционное время.

Ее прадед был – сохранились фотографии, а кое-что рассказывала Юлии Николаевне ее мама – князем и одновременно миллионером из Харькова. У господина Савичева было то ли семь, то ли даже восемь детей.

Про судьбу одного из них, Николая Савичева, мама знала – он, в конце концов, был ее дедом. Что случилось с самим князем-миллионщиком и остальными его детьми, ничего не было известно. То ли сгорели они дотла в пламени революции и Гражданской войны, то ли тихо перемололи их (как и деда Николая) в лагерную пыль в тридцатые; а может, пали они на фронтах Великой Отечественной... О судьбе их не осталось ничего: ни изустных преданий, ни писем, ни документов.

А вдруг, задумывалась Юлия, они эмигрировали? Вдруг живут где-нибудь во Франции или в Аргентине ее троюродные братья и сестры? Ее двоюродные тетушки?

– Ну, тут уж ты, мамми, загнула, – смеялась дочка. – Какие там родственники? Померли все, давно померли! А если не померли – по-русски читать разучились. Тоже, размышлялась – тетушка из Парижу! Ищи иголку в стоге сена!.. Деньги только зря тратишь.

Мама сердито отвечала:

– Свои трачу!

Объявление посылалось за объявлением с завидным упорством, но... Ответа все не было и не было. Уверенность Юлии Николаевны в успехе дела становилась все более призрачной... И вот, наконец, иностранный конверт!

Она не разорвала его сразу же, немедленно, в подъезде (как поступила бы, к примеру, Таня). Нет, Юлия Николаевна поднялась на лифте в квартиру, взяла очки, ножичек для разрезания бумаг, погрузилась в кресло – и только после этого, аккуратно вскрыв письмо, принялась читать.

Послание было отпечатано на компьютере на очень белой, очень плотной бумаге. Написано оно было по-русски.

Содержание его было поразительно.

48-бис, рю-де-ла-Либерте,

Анган-ле-Бен, Франция

7 января 1999 года

Господа, позвольте продемонстрировать Вам свое самое глубокое почтение. С чувством большого волнения я прочитала объявление из России, напечатанное в парижской газете. Мое волнение усугубилось тем, что, вполне возможно, я являюсь искомым для Вас субъектом.

Меня зовут Вера Викторовна Фрайбург, урожденная Савичева. Я рождена в 1915 году в городе Харькове, Россия. Мой рара, le compte Виктор Ильич Савичев, возможно, является тем самым г-ном Савичевым, коего Вы разыскиваете.

Мой папа, князь Виктор Ильич Савичев, безвременно и печально погиб в 1918 году в советской России, и обстоятельства его смерти не являются мне известными.

Моя татап, la compte Савичева, смогла вывезти меня из России на пароходе, вместе с героическими офицерами Белой армии. Морем мы попали в Константинополь и в 1921 году перебрались с нею в Париж.

Мама моя скончалась в Париже в 1942 году, во время немецкой оккупации, от грудной жабы. Она похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Муж мой, барон Эрнст Фрайбург, оставил меня навеки – да упокоит Господь его бессмертную душу! – восемь лет тому назад. К несчастью, мы не имели детей. Нет у меня и иных родственников. Поэтому мне было бы весьма важно, приятно и утешительно больше узнать о моих возможных родственниках из России, где мне, волею жестокого XX века, так и не удалось более побывать.

Я благодарна Вам за Ваши поиски. Не соблаговолили бы Вы прислать мне подробный рассказ о Вашей семье, а также, по возможности, свидетельства Вашей связи с семьей Савичевых?

Не знаю, являетесь ли Вы верующими или атеистами, но полагаю, что имею право поздравить Вас с Рождеством Христовым и пожелать Вам света, здоровья и любви.

Буду с нетерпением ждать ответа.

*Примите уверения в моем искреннем к Вам почтении:
Фрайбург-Савичева*

* * *

Вечером того же январского дня письмо было продемонстрировано Тане.

– Ну ты, мамми, гигант! – с нескрываемым восхищением произнесла та, прочитав депешу. – Княгиня из Парижу! Бабуленька!.. Да я всю жизнь об этом мечтала!.. Вот не ожидала, что тебе хоть кто-то ответит. А тут – княгиня!

– Я всегда добиваюсь своего, – с важностью произнесла Юлия Николаевна.

– Да тут ведь не двадцать рублей с Выхинского рынка! – воскликнула Таня. – И даже не шубка! Тут ведь каким наследством пахнет! – И Таня еще раз зачитала то место из письма, где княжна Фрайбург-Савичева говорила о своем парижском одиночестве, об отсутствии детей и иных родственников.

– Да, я тоже это поняла, – с гордостью сказала Юлия Николаевна.

Немедленно был составлен ответ в Париж.

Письмо получилось столь длинным и объемистым, что на почте пришлось за него доплачивать (расходы взяла на себя Таня).

В нем Юлия Николаевна подробно описывала историю своего рода. Рассказывала о своем деде Николае. Он родился в 1905-м и был расстрелян в Ленинграде в 1937-м. Именно он являлся, по всей видимости, старшим братом французской княжны.

Юлия рассказывала также о его дочери – матери своей Анне Николаевне, которая, по всему судя, доводилась парижской княжне племянницей. Наконец, она сообщала хронику своей жизни, а затем в самых умильных тонах повествовала о дочери своей Танечке.

Письмо было отредактировано Таней, и из него решительно были вычеркнуты те моменты, которые говорили о малом достатке и безработице самой Юлии Николаевны. («Они там на Западе несчастеньких не любят», – безапелляционно заявила по этому поводу дочь.)

К посланию, отправленному в Париж, прилагались: фотографии самой Юлии Николаевны в возрасте 17, 33 и 42 лет; два фото Танечки, одно из них – на фоне ее новенькой машины «Пежо-106» («Пусть княжна не думает, что мы тут лаптем щи хлебаем!»), а также ксерокопии фотографий деда Николая, предполагаемого брата княжны. Приложена была и копия одного-единственного имевшегося общего, семейного фото. Оно было изготовлено в харьковской фотографии «Русская Светопись» (фотограф М. Лещинский, в собственном доме на Сергиевской площади, около Лопанского моста) и датировано 1916 годом.

На фотографии был запечатлен прадед Виктор Ильич Савичев (в исключительной манишке с бриллиантовой заколкой в галстук и дорогом – это было видно даже сквозь годы – костюме). Он помещался в центре многочисленного семейства. Его окружали жена и семеро детей разного возраста. Несколько на отшибе стоял старший сын, подросток Николай (дед мамы), в гимназической форме и с тщательно прилизанными волосами. А вот на коленях у князя Виктора Ильича Савичева сидела годовалая девочка в чепчике. Именно она, по всей видимости, превратилась со временем в княжну Савичеву-Фрайбург, живущую ныне в пригороде Парижа Анган-ле-Бен.

Спустя три недели от княжны пришел ответ. Отправлен он был DHL'ом, посему добрался от пригорода Парижа до спального московского района за полтора дня. Ответ представлял собой довольно объемистую посылку, в которой, помимо письма, имелись следующие предметы. Во-первых, был там зачем-то пакетик мюсли (точно такие продавались в супермаркете рядом с Таниным домом); во-вторых, ксерокопия фотографии князя Савичева – на ней он был запечатлен в гордом и надменном одиночестве. В-третьих, коробка духов «Шанель № 5», предназначенная в подарок Юлии Николаевне; и в-четвертых, золотой кулон с двумя вензелями В и С – семейная реликвия, принадлежавшая некогда князю Савичеву. Кулон предназначался, как единственная память о князе, «наследнице (а именно так писала княжна) Татьяне».

Кроме того, в письме содержалось подробнейшее жизнеописание самой Савичевой-Фрайбург. Письмо уже было не отстраненным, а горячим, искренним, порой даже сбивчивым.

Чувствовалось, что княжна Фрайбург-Савичева отбросила свою настороженность, сквозившую сквозь строки первого «разведывательного» послания. Она, похоже, искренне желала поделиться своей – уже, пожалуй, ставшей никому не нужной – жизнью со вновь обретенными русскими родственниками. Даже язык ее письма стал словно бы более русским.

После того как мама, княгиня Савичева («ваша, Юлия Николаевна, прабабушка», как писала престарелая княжна), перебралась вместе с нею, пятилетней девочкой, в 1921 году в Париж, для нее, равно как и для маленькой Веры, начались тяжелые времена. Сбережений не было. Помещались они в самых захудалых меблирашках на улице Тюрбиго. Княгиня, мать Веры, пошла работать шофером в парижском такси – благо еще в благополучном Харькове она лихо управлялась с «Пежо», который специально для нее купил тогда князь Савичев.

Когда Вера подросла, она пошла было, как сообщала своим русским адресатам, «работать официанткой в русскую столовую в одном из темных переулков неподалеку от улицы Пасси». Однако довольно скоро жизнь ее круто переменилась.

Она была замечена великой Коко Шанель и стала первой русской княжной, занявшей место на подиуме. В модельном деле Вера Савичева пребывала (как можно было понять из письма княжны) не на последних ролях.

В 1937 году к ней посватался барон Эрнст Фрайбург, и княжна Вера ответила на его предложение. У барона имелось достаточное состояние. Вплоть до начала войны семья ни в чем не нуждалась и прожила самый счастливый период своей жизни.

Когда нацистские войска заняли Париж, княжна Вера Савичева в отличие от своей великой патронессы не встала на путь коллаборационизма, а, напротив, вместе с мужем бароном Фрайбургом играла активную роль в Сопротивлении.

В 1942 году умерла мама, княгиня Савичева. Не последнюю роль в ее роковом сердечном заболевании сыграли безотрадные вести с фронтов в России. Княжна Вера и барон продолжали помогать Сопротивлению. Оба счастливо избежали ловушек гестапо и радостно встречали летом 1944 года в Париже американские войска и отряды генерала де Голля.

После победы над фашизмом княжна Вера продолжила свою работу манекенщицы, но уже не у Шанель, а у начинающего тогда самостоятельную карьеру Кристиана Диора. Она была у него моделью на самом первом показе в 1947 году, когда маэстро впервые продемонстрировал миру «новый взгляд», и продолжала оставаться на подиуме вплоть до 1953-го. После этого она занялась в «Доме Диора» кастингом.

Барон Фрайбург после войны вернулся к своему делу – биржевым спекуляциям.

«После смерти Диора и прихода в «Дом Диора» Ива Сен-Лорана, – писала далее княжна Савичева-Фрайбург, – я оставила службу. Моих и мужа скромных накоплений хватило для того, чтобы жить ежели не в достатке, то безбедно в своем доме в пригороде Парижа Анган-ле-Бен. Мы много путешествовали, изъездили весь свет, побывали даже в Канаде, Бразилии и Новой Зеландии – вот только в России не удалось. Мой муж уверял меня – даже после того, как умер Сталин, – что, едва мы сойдем в Москве с трапа самолета, сразу же будем схвачены и отправлены на воркутинские рудники... Теперь Эрнст умер. Я слаба, редко даже выхожу из дому, поэтому мечту о моей далекой Родине, которую я знаю лишь по двум-трем темным детским воспоминаниям и иллюстрированным парижским журналам, придется оставить навеки».

Мамми вздыхала над письмом и даже всплакнула, когда читала о жизни этой необыкновенной женщины, которой Господь Бог за все ее испытания и лишения, за смерть ее близких дал – в отличие от миллионов ее соотечественниц и ровесников, живущих в России, – все же утешение: в виде безбедной старости, сытой жизни и экзотических путешествий.

Таня, раскрыв посылочку из Парижа, прыгала на месте, радовалась золотому кулону, а главное, возможной перспективе получить в виде наследства особнячок в тихом пригороде французской столицы. О, это было бы колоссально – свой домик под Парижем! А может, к нему приложится еще и кругленькая сумма во франках?

Немедленно был снаряжен ответ княжне. Его также отправили экспресс-почтой. (За пересылку опять – но теперь уже совершенно безропотно – заплатила Татьяна.) В посылочку был вложен кирпич бородинского хлеба, баночка стерляжьей икры, изящная гжельская композиция и миниатюрная копия храма Покрова-на-Нерли, изготовленная из чистого серебра. Кроме того, там было несколько фотографий Татьяны, а также впервые написанное ею собственноручно письмо, где она благодарила за фамильный кулон.

Письмо было сдержанное, достойное, но в то же время как бы полное потаенной любви к престарелой родственнице.

Посылочку в Париж отправили в конце февраля, и после этого от «бабуленьки» (как окрестила княжну Татьяна) довольно долго не было ни слуху ни духу. («Как бы она там коньки не откинула без завещания», – озабоченно вздыхала порой Татьяна. Ее нарочитый цинизм вызывал бурное и искреннее негодование мамы.)

И вот наконец от княжны поступила новая депеша – депеша удивительная, невероятная. Ради нее Таня вынуждена была с утра пораньше вскакивать в «пежик» и срочно мчаться к маме.

48-бис, рю-де-ла-Либерте, Анган-ле-Бен,

Париж, Французская Республика

Милые мои Юлия Николаевна и Танечка!

Прошу у вас извинения за то, что столь долго не отвечала на ваше письмо – тому были веские причины, о которых я расскажу позднее. Я душевно благодарна вам за те подарки, коими вы меня одарили. Право, мне неловко принимать их – особенно учитывая нелегкую ситуацию на моей несчастной и любимой Родине. Ваши дары еще раз доказали мне всю щедрость настоящей русской души – и всю вашу личную открытость и доверие ко мне. Спасибо, спасибо вам огромное за них, а также за те фотографии, что вы переслали мне, – я все время рассматриваю ваши лица и нахожу между мною и вами немало общего – разумеется, когда я была много, много моложе. Я очень благодарна вам также за ваши милые, теплые, изумительные письма. Бог в награду на склоне лет послал мне последний подарок – знакомство и дружбу с вами. Она, как солнце, озарила последние мои дни.

По поводу «последних дней» – это, увы, не метафора... Дни мои в самом деле сочтены. Об этом ясно и недвусмысленно дали мне понять врачи нашего, французского «ракового корпуса», где я провела последние полтора месяца. Сама же я чувствую, что до осени вряд ли доживу. Что ж, быть может, это к лучшему – прощаться с жизнью летом, когда сверкает листва и все вокруг напоено ароматами жизни и любви!

Мне очень жаль, что наше знакомство обрывается таким быстрым и нелепым образом. Видимо, Господу не было угодно не только то, чтобы я посетила свою далекую родину, но и то, чтобы я хоть когда-нибудь встретила своих родственников из России. Увы, увы...

Но – прочь меланхолию! Перейду к делу. Разумеется, все свое состояние я завещаю вам. Однако – и это, возможно, покажется вам самым грустным, хотя мне не хотелось бы, чтобы вас печалило только это, – состояние мое, что неопровержимо показал отчет адвокатов, который я получила на днях, расстроено до последней возможной степени. На счету в банке не более десяти тысяч франков; дом заложен. После кончины барона я, отученная им от этого, вовсе не умела вести свои дела. Оказывается, моя жизнь в последние годы совершенно расстроила мое состояние. Я не умела отказывать себе в маленьких радостях: игре в казино, поездках (пока была в силах) на Лазурный Берег, нарядах от моих любимых модельеров. В этом я виновата перед вами и перед Господом.

Но есть еще шанс как-то помочь вам в ваших, я думаю, стесненных материальных обстоятельствах (простите меня за этот неприличный, возможно, домысел) и отблагодарить вас обеих за то бескорыстное добро, с которым вы отнеслись ко мне, далекой престарелой родственнице.

Дело в том, что – я знаю это наверняка – мать моя во время бегства из советской России, в суматохе последних дней, когда прорыв большевистских полчищ смешал все наши планы и надо было спастись как можно быстрее, оставила на окраине приморского города Южнороссийска настоящий клад. Чемодан с сокровищами был спрятан в столь укромном и неудобном месте, что она, тем более имея на руках меня, четырехлетнюю, не сумела достать его перед отплытием из Южнороссийска последнего парохода Добровольческой армии. Клад так и остался на территории России, куда мы, по известным причинам, не имели доступа. Конечно, за восемьдесят без малого лет, а также после двух войн, прокатившихся на этой территории, и «советского социалистического строительства» осталось немного шансов, что сокровища так и не были кем-то по воле случая найдены. Однако место, где помещался чемодан, столь укромно, что эти шансы – есть.

Мама моя, перед своею кончиной в 1942 году, доверила мне тайну клада, вместе с подробной картой его местонахождения.

В чемодане были наши фамильные драгоценности (в том числе бриллиантовые подвески и яйцо работы Фаберже), золотые монеты, но главное – отцовская коллекция молодых (в то время) художников. Художники эти, шумно отвергавшиеся чуть ли не всеми, за исключением, пожалуй, одного моего отца, князя Савичева (известного своими эксцентрическими вкусами), со временем стали всемирно известными, а полотна их, особенно сейчас, – чрезвычайно дорогими. Помню, мама называла мне в числе тех произведений, что таятся в сокровенном чемодане, работы таких авторов, как Кандинский, Ларионов, Шагал, Малевич... Думаю, что имена эти вам хорошо известны и вы согласитесь с тем, что стоимость этих полотен нынче весьма и весьма высока.

Я была бы рада и счастлива, милые Юлия Николаевна и Танечка, когда бы вы нашли этот клад. Далее поступайте с ним на свое собственное усмотрение. Мне, как вы понимаете, ничего уже не нужно. Если богатства нашей фамилии сохранились и они помогут обеспечить вам богатую жизнь – ничего лучшего я и желать бы не могла.

При сем прилагаю копию той карты, которую завещала мне моя мама. (Ее оригинал хранится в моем сейфе в банке.) Карта, как вы можете убедиться, весьма тщательна и подробна. Место расположения клада, я повторяюсь, столь укромно, что это дает надежду полагать: за прошедшие десятилетия чемодан с золотом и картинами никто не нашел. Как бы я хотела, чтобы это так и было! Чтобы сокровища достались вам, мои дорогие далекие родственники! Я была бы так счастлива обеспечить вам достойную жизнь.

К письму прилагались три тщательно нарисованные от руки карты – одна более подробная, другая менее, третья – совершенно отчетливая. Был проставлен примерный масштаб, а в искомом месте (совсем как в романах про пиратов) стоял аккуратный крестик.

* * *

Юлия Николаевна не спала всю ночь.

И к двум часам, когда Таня, наконец, объявилась, ей было торжественно прочитано письмо.

– Вот это класс! – восторженно закричала Таня. – Клад, клад! Свой собственный клад! Когда там ближайший самолет в Южнороссийск?

– Ты с ума сошла! Да у твоей бабуленьки просто крыша поехала!..

– Она же *сейчас* поехала, а клад сто лет назад зарыли!

– Да даже если были сокровища, их давным-давно бы вырыли! Восемьдесят лет прошло!

– А если не вырыли? Ты будешь тут картошку на сале жарить – а у тебя там миллионы будут гнить?!

– Какие миллионы?! Бред все это! Старческий маразм!.. Ну, а, допустим – я говорю «допустим», хотя шансов на это нет, – отроешь ты эти картины? И что? Сдавать государству? Да оно обманет тебя почище любой бабуленьки!

– Государству? Ха! Ну уж нет!.. Много тебе это государство хорошего сделало?.. Клад – наш! Сама его продам, на аукционе «Сотбис». Или «Кристи».

– Так ведь посадят!

– Не волнуйся. Сажают – дурачков. Меня – не посадят.

Так они препирались на повышенных тонах минут сорок, а потом разъехались – крайне недовольные друг другом. И остались каждая при своем мнении.

* * *

Таня часто перечила матери. Впрочем, «часто» – слишком слабо сказано. Татьяна выполняла советы Юлии Николаевны «с точностью до наоборот» в девяти случаях из десяти. А еще вернее – в 99 случаях из ста.

Оттого, во-первых, что она считала мамин подход к жизни слишком простым, излишне прямолинейным. Мамми, по мнению Тани, не учитывала всего разнообразия красок жизни, где, как известно, есть не только «белое или черное», но царят полутона и господствуют оттенки. Отношение Юлии Николаевны к жизненным проблемам, считала Таня, годилось для советского месткома. Оно было подходяще для силовых действий, когда надо было настоять, обломать, призвать, наградить или возвысить. Повелевать мамми была известная мастерица. Но для нынешней извилистой жизни «месткомовский» рубленый стиль отнюдь не годился. В том, что таланты Юлии Николаевны так и не были в полной мере востребованы нагрянувшим капитализмом, Таня видела лучшее доказательство того, что мать «устарела». (Ей она, конечно, ничего по этому поводу не говорила.)

Таня по обыкновению поступала наперекор матери еще и потому, что в ней был до сих пор силен дух детского противоречия. Сколько себя помнила, она всегда и во всем перечила матери. Когда была маленькой, ей приходилось – с криками, слезами, скандалами – повиноваться. Но как только у Тани – по мере взросления – появлялась возможность не подчиниться матери, она всякий раз поступала ей наперекор.

Поэтому она, выйдя из квартиры матери, первым делом, конечно же, отправилась к Валере.

Она не стала звонить ему. Просто, попрощавшись с Юлией Николаевной и прихватив с собой письмо и карты княжны, уселась в свой красный «пежик» и поехала в сторону Кольцевой.

Валера жил в районе ВДНХ, и Таня правильно рассчитала, что от Рязанского проспекта к нему теперь, после окончания реконструкции МКАД, легче всего добраться через «Большое кольцо имени Лужкова». Путь хоть и кружной, да по московским пробкам самый быстрый. К тому же Таня любила эту дорогу. Она, несмотря на молодость, побывала уже в Чехии,

Германии, Италии. Довелось ей помотаться на арендованных машинах по тамошним дорогам. Там автострады были ничем не лучше, чем нашенская Кольцевая.

Несясь по МКАД на своем «Пежо», она чувствовала себя белым человеком. Точнее – гражданкой мира. Цивилизованного мира, в который не спеша, словно броненосец, вползает Россия. И она неосознанно радовалась этому и гордилась своей страной.

Правда, это чувство быстро пропадало, когда она съезжала с Кольца и влетала в ухаб.

Через пять минут после прощания с матерью Татьяна подъезжала к Кольцевой. Пристегнула перед постом ГАИ ремень, сделала ручкой гаишнику и вырулила на Кольцо. Быстро набрала скорость. Ездила она стремительно, но аккуратно – совсем не по-женски: практически никогда не создавала аварийных ситуаций и не терялась. Таня разогналась, быстро переключая передачи и перестраиваясь влево. Уже метров через пятьсот она перешла на пятую передачу и заняла место в крайнем ряду. «Пежик», довольно урча, стремительно разогнался до 130 километров. Теперь она будет сбрасывать скорость только перед гаишными телекамерами, постами ГАИ или каким-нибудь чайником на раздолбанной «четверке», который возомнит, что ему тоже позволено ездить в «иномарочном» левом ряду. Минут за сорок она доедет до Валеры.

Валера приходился ей отчимом.

Своего отца Таня не знала. Она не видела его фотографий. Она не знала, как родители познакомились. Не знала, отчего они – еще до ее рождения – расстались. Она не ведала, кем он был. И даже – как его звали. Мать до сих пор с твердокаменным упорством избегала любых разговоров на эту тему. «Я вычеркнула его из своей жизни!» – однажды она в своем обычном патетическом стиле так ответила на очередные приставания Тани. И это было похоже на правду.

Валера был вторым мужем Юлии Николаевны. Поженились они, когда Танечке было годика четыре, так что она вполне могла и называть, и считать его папой. Но с самых малых лет Таня отчего-то знала, что Валера – вроде папы, да не папа. И называла Юлию Николаевну мамой, а его – Валерой. Ни мать, ни отчим не возражали.

Они развелись уже лет десять назад, но Танина детская привязанность к этому толстому спокойному человеку осталась у нее на всю жизнь. Она называла его по-прежнему, как в детстве, Валерой, а еще – в глаза и за глаза – «толстячком», «пузаном», «пантагрюэлем», «ниро вульфом» и даже «жиртрестом». И – удивительное дело! – этот серьезный, строгий и умный человек позволял падчерице любые выходки. Он прямо-таки млеял, когда она приезжала к нему, привозила пирожные, целовала в жирную щеку, обильно пахнущую одеколоном, расспрашивала его о жизни или просила совета. Едва ли не каждый месяц Валера подкидывал ей денег, как он сам называл этот процесс. В своей сумочке Таня находила вдруг после визитов к нему конверты то со ста, то с двумястами долларами. Как он проделывал этот фокус, она до сих пор не понимала. Проследить за Валерой было так же трудно, как за Амаяком Акopianом. Когда же Таня начала хорошо зарабатывать и попробовала однажды проиграть этот фокус «наоборот», случайно позабыв на книжной полке Валеры конверт со ста баксами, он устроил ей грандиозную выволочку и деньги чуть не силой всучил назад.

Валера давно уж был на пенсии. Во-первых, был он старше Юлии Николаевны на пятнадцать лет, а во-вторых – и об этом Таня узнала совсем недавно, – работал он (или в данном случае правильной сказать «служил»?) в КГБ. Дослужился до полковника. На пенсии пребывал девятый год.

Чем занимался Валера во время службы в столь могучей и даже зловещей организации – он никогда не рассказывал. В сознании Тани как-то не сочеталось круглое доброе лицо Валеры – и спецслужба. Но по каким-то обрывкам фраз (скопленных едва ли не за десяти-

летие ее поездок к нему) Татьяна сделала вывод, что отчим в последнее время не имел отношения к оперативной работе, а был экспертом, аналитиком или чем-то вроде того.

Пенсионная жизнь Валеру, казалось, вовсе не тяготила. За эти годы он еще больше обрюзг. Хотя вот уже лет десять отчим приговаривал, что весит, как Поддубный, шесть пудов, Таня подозревала, что сейчас в нем пудов семь, а то и семь с половиной. Жил он в однокомнатной квартирке в старом доме неподалеку от «Рабочего с колхозницей». Маленькая комнатка, крохотная кухня. Вот все, чем наградила самая могущественная спецслужба мира полковника Ходасевича. Машины, равно как и дачи, Валера не снискал. Зато были горы книг, огромный телевизор и суперсовременный HI-FI видеоманитофон.

Таня так уверенно поехала к нему, предварительно даже не позвонив, потому что знала: толстяк все равно окажется дома. Выползал тот на улицу всего раз в неделю, обычно по четвергам: закупал на оптовом рынке продукты и сигареты, заходил в аптеку и прачечную. Заглядывал в книжный магазин и видеоларек. Сегодня была пятница, поэтому Валера, как и все остальные дни недели, почти наверняка сидел дома.

Чем он занимался? Готовил пищу (его щи из кислой капусты, тефтели, борщ или бигос – капуста с сосисками – были куда вкуснее, чем у матери). В остальное время отставной полковник Ходасевич читал, смотрел телевизор и видео. Его единственная комната ломилась от книг и видеокассет. Полки все были заняты. Книги толпились на полу. Закрытый шкаф был весь забит видеокассетами. Их насчитывалось, наверное, тысячи две. Количество книг учету не поддавалось. Порой Валера отказывал в просьбе Тани дать ей ту или иную кассету или же книгу, но не оттого, что их не было в коллекции или он жмотничал, а потому, что их просто невозможно было найти. Вкус у Валеры был своеобразный. Смотреть он предпочитал боевики с Синтией Ротрок, Дольфом Лундгреном или Стивеном Сигалом. Не отказывался, впрочем, и от Джеймса Бонда, и от редких умных американских или английских детективов (вроде «Окончательного анализа»). Читал он тоже (при том, что прекрасно разбирался во всей мировой литературе от Плутарха до Бродского) в основном детективы.

Пару раз Таня заставляла его у экрана видео с тетрадкой в руке. Она подозревала, что он совмещает хобби с работой и составляет для своего ведомства что-то вроде обзоров шпионских уловок и бандитских киноприемчиков, которые придумывали неутомимые сценаристы. (Известно, что самые эффектные – и порой эффективные! – методы ограблений или шпионажа изобретают именно мастера детективов.) Но на прямые вопросы по поводу записей в таинственную тетрадь толстяк только отшучивался.

Погруженная в свои мысли, аккуратно ведя машину и так ни разу не переключившись с пятой передачи на низшую, Таня за пятнадцать минут долетела от Рязанки до Ярославского шоссе. Прокрутившись по грандиозной многоуровневой развязке, она выехала на Ярославку и порулила в сторону Центра. Здесь машин было больше. Приходилось долго стоять перед светофорами. Выхлопные газы фур, везущих в столицу черешню, клубнику и раннюю картошку, проникали сквозь открытые окна машины. Таня держалась справа, проныривая на своем юрком «пежике» в те щели, что оставляли грузовики у тротуара. Вырывалась вперед у светофоров. На старте она обгоняла даже «САЗЫ» и «Мерседесы» – не говоря уже об изделиях отечественного автопрома.

Очень быстро она доехала по Ярославке до места своего назначения. Свернула направо на тихую улицу и через пару минут остановила «Пежо» в тихом дворе Валериного дома.

Подудела условным сигналом: «Па-па! Па-па-па!» В окне на первом этаже немедленно появилось одутловатое лицо Валеры. Он радостно замахал ей сквозь стекло.

Когда она поднялась по нескольким ступенькам, он уже встречал ее в распахнутых дверях – в гигантской футболке размера XXXL, которую Таня привезла ему из Праги, в сатиновых спортивных штанах и разношенных тапочках на толстых ступнях.

– Привет, Валерка! – закричала она, целуя его в тщательно выбритую и ароматную щеку.

– Здравствуй, Танюшечка! – радостно облапил он ее. – Похорошела, моя девочка! Стрижку новую сделала, что ли?

Тане было приятно, что он заметил. Мать по поводу новой прически ничего не сказала.

– И кофточка новенькая, – продолжал Валера. – Очень идет тебе.

Таня, как всегда в присутствии Валеры, почувствовала себя спокойно и свободно.

– Проходи, Танюха! Очень ты вовремя! Я как раз только щи сварил из кислой капусты. Каша гречневая есть с печеночкой. Салатик из морковки. Компотик яблочный... Потом кофе будем пить с коврижкой.

– Чревоугодничаешь? – улыбнулась она. – Тогда на вот тебе для полного счастья. – Таня протянула отчиму пакет с двумя брикетами пломбира.

– О, мое любимое! – воскликнул Валера. – Все-то ты про меня знаешь!

– Я – про тебя?.. Да я про тебя, кроме того, что ты любишь есть и детективы смотреть, ничего больше знать не знаю. У тебя женщина хоть есть?

– Есть девушка. Красивая, обаятельная, умная, молодая. С новой стрижечкой, в прекрасной новой кофточке. Ездит на красной французской машинке.

– А ну тебя!

Они прошли в комнату. Она тонула в сизом дыму. Три пепельницы были полны окурков.

– Ну накурил! – воскликнула Таня, отворяя окно в солнечный майский день.

– Ничего: лучше помереть от дыма, чем от озноба, – привычно отшутился Валера.

– Да еще ядовитые эти свои «Родопи» куришь. Хочешь, я тебе «Мальборо» куплю?

– Нет, дорогая, кашляю я от них... Ну, садись, а я пойду на кухню, щи греть. Можешь пока детективчики полистать – вчера купил. Вот тут Маринина. Есть Полякова какая-то. Есть сразу две Анны Малышевых, причем разные.

Таня скривилась:

– Как ты можешь читать эту лабуду!

– Приходится... А вот это получше – Том Клэнси, Сидни Шелдон, Джон Гришэм...

– Лучше Ниро Вульфа никого нет... Правда, толстячок? Как там твои орхидеи?

– Никак не приживутся. Садовника Фрица не хватает, – отшутился Валера и ушлепал на кухню.

Таня была воспитанной девушкой, и поэтому за едой они говорили только о книгах, новых фильмах и немного о политике. Только за чаем она глубоко выдохнула и сказала:

– Вообще-то, Валер, я к тебе по делу.

Отчим отреагировал спокойно:

– Знаю. Твоя мама приезжала сегодня утром («Мне, конечно, ничего не сказала», – отметила Таня). И умоляла, чтобы я тебя от этого дела отговорил.

«Ах, вот они как! – сердито подумала она. – Уже спелась!» Чуть ли не впервые в жизни она обиделась на отчима:

– Ну что ж, валяй, отговаривай!

Валера не отреагировал на непривычно резкий тон. Он спокойно попросил:

– Дойди, Танюшечка, до книжного шкафа... Верхний ящик открой...

В верхнем ящике лежала огромная, широкая и толстенная книга в дерматиновом переплете.

– Давай сюда.

Валера открыл книгу в том месте, где она была заложена закладкой. Книга оказалась атласом. Причем не обычным, рисованным, а состоящим из фотографических изображений Земли.

Фото были сделаны с высоты птичьего, а точнее сказать, спутникового полета. На странице, которую открыл Валера, было видно море и берег (карта была изготовлена столь тщательно, что различимы были даже мостики, выдающиеся в море на пляжах). Была видна бухта. На рейде стояли корабли. Вокруг бухты полукольцом раскинулся город. Проступали отдельные дома, волноломы, маяки. Надпись гласила: «Южнороссийск».

Валера перелистнул страницу. Теперь в атласе изображалась только окраина города Южнороссийска и горы, покрытые лесами. Горы перерезались дорогами. На одной из гор располагалось кладбище. Был виден мыс, кусок моря и длинная коса, выдающаяся глубоко в воду.

Даже беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: две карты – одна, присланная княжной, и другая, в Валерином атласе, практически совпадают. Только на одной из них, нарисованной от руки, где-то на склоне горы стоит жирный крест.

Москва, декабрь 1972 года.

За 27 лет до описываемых событий

В тот день Антон сдал последний зачет и решил поехать на Таганку. Изрядно надоело керосинить – по поводу или без повода – в общежитии или идти в ресторан. Театр в одиночестве будет в самый раз.

Около шести он вышел из метро «Таганская-кольцевая». Сразу у выхода у него спросили лишний билетик. Антон грустно покачал головой. Скоро он присоединится к этой толпе страждущих.

Уже стемнело. Театр, лучший в Москве, Мекка всей либеральной интеллигенции, выглядел скромно, словно киношка в провинциальном городе. Вдоль окон касс висели, будто прокламации, прямоугольные афиши. Стояла оттепель. Площадка перед театром была темна, ее освещали лишь пара редких фонарей да свет, падающий из окон касс. По Большой Коммунистической, уходящей мимо театра вниз, к высотке на Котельнической, проезжали редкие машины. Из-под колес выстреливало снежной жижей.

Антон посмотрел афишу. (Где-нибудь в другом месте о репертуаре театра узнать было невозможно.) Сегодня давали «Антимиры». Кайф! «Антимиры» он еще не видел. Стихи Вознесенского, а занята вся труппа, в том числе Филатов, Золотухин, Славина, Демидова и, конечно, Высоцкий.

Антон не разделял всеобщего восторга толпы перед Высоцким-бардом. Все эти плебейские тексты – «А потом как могла – родила...» – его коробили. Но Высоцкого-актера Антон обожал. Недавно ему посчастливилось вот так же, наудачу, приехать к премьерному «Гамлету», о котором говорила вся Москва. Удалось успешно «аскануть» лишний билетик и попасть в крохотный зал.

И спектакль, и Высоцкий его потрясли. Гамлет в джинсах, грубом свитере, с гитарой... А какая мощь исходила от него, какая сила, какой магнетизм!.. Антон вместе с залом хлопал тогда минут десять, отбил себе все ладоши.

На узкой площадке перед театром уже крутились несколько «стрелков». Трудно поверить, но тогда – при том, что ни одно место в театре ни на один спектакль не оставалось свободным – рядом с Таганкой не было перекупщиков-спекулянтов. Перед спектаклем в кассах выбрасывали жалкие остатки брони, на улице продавали редкие «лишние билетки», и ни разу Антон не видел – а на Таганке посмотрел он практически все спектакли, – чтобы за «лишние» брали хоть рубль сверху.

«Хороший бизнес, – мимоходом подумал Антон, – скупать билеты, потом продавать их втридорога. Да очень уж опасный. Все время на виду. Любой дружинник может из-за одного наваренного рубля повязать, и... Посадить-то, может, и не посадят, а вот из института и из комсомола турнут точно». Антон отогнал эти мысли.

Было уже четверть седьмого, и он занял свою излюбленную позицию чуть левее от входа. Странно, но при том ажиотаже, что царил вокруг Таганки, еще не было случая, чтобы он не стрельнул лишний билет. Он разбирался в людях, умел мгновенно оценить, *что* за зритель идет от метро ему навстречу. Понапрасну народ не дергал, «бил уверенно, наверняка», когда видел, нюхом каким-то чувствовал: вот идет человек, у которого билет может быть. Подскакивал к нему первым, спрашивал, быстро, без сдачи, расплачивался. Когда налетала толпа конкурентов, заветный зеленоватый прямоугольник уже лежал у Антона во внутреннем кармане.

Выглядел он к тому же весьма презентабельно. Да такому парню продать билетик – самому себе удовольствие доставить. Высокий, голубоглазый, с бархатым голосом. Болгарская дубленка, под ней, хоть «лейбла» и не видно, угадываются явно фирменные джинсы.

Особенно часто он стрелял билетик у грустных – кавалер не пришел! – молодых особ. Зачастую тут же, в театре, и завязывалось перспективное знакомство.

Начинать стрелять было еще рановато, от метро шли такие же «аскачи» да редкие зрители, и Антон исподволь оглядел конкурентов. Рядом с ним стояли две девушки. Одну, толстую, Антон отмел в качестве возможного кадра сразу же, а вторая, маленькая, крепенькая, была очень симпатична. Голубые глазки, ямочки на щеках. В ней чувствовались ум и воля. Антон посмотрел на нее долгим взглядом. Она ответила на его взгляд, смутилась, отвернулась. Он почувствовал, что тоже понравился ей. Электрическая искра, столь любимая в старых романах, казалось, проскочила между ними. Предчувствие любви, частое в юные годы, шевельнулось у него в груди. Словно сердце, прежде чем снова забиться ровно, несколько раз дало перебой.

Толстуха между тем – почувствовала она, что ли, возникшую мимолетную их тягу друг к другу и взревновала подругу? – утащила «его» девушку внутрь театра, в кассы.

Зритель пошел гуще. То там, то здесь вспыхивали лишние билетики, вокруг счастливых мгновенно образовывалась толпа, потом все расходилось – один везунчик с билетом в кулаке, остальные разочарованные. Билетики возникали так далеко, что Антон даже не трудился подбегать. Не везет ему сегодня. Сменить, что ли, диспозицию? Но он не стал этого делать – не столько верный своей привычке быть до конца именно там, где с самого начала подсказала ему интуиция, сколько из-за девушки. Он знал, что она вернется – вернется именно сюда, где они впервые увиделись.

Напряжение в толпе «стрелков» между тем нарастало. До начала спектакля оставалось всего лишь четверть часа... Вот, вот она!.. Он заприметил «носительницу билета», еще когда она вышла из метро. Женщина лет тридцати. Одна. Одета красиво. Грустная. Ясно – неведомый *он* не смог пойти. И хотя она отрицательно покачала головой на вопрос «стрелков», стоящих у выхода из метро, Антон не сомневался – лишний у нее есть. Он через дорогу бросился ей наперерез. Но еще раньше подскочил к ней долговязый очкастый парень, похожий на юного князя Мышкина. Она посмотрела на «князя», кивнула и полезла в сумочку. Антон подошел, увидел, как тот расплачивается, и не унизился до вопроса, нет ли у нее еще билетика. Ясно было, что нет. Он вернулся на свое место.

Из касс вернулись, разочарованные, толстуха с «его» девушкой. Девушка снова одарила Антона долгим взглядом.

Тут у театра притормозила редкая машина – новейшие «Жигули» ярко-красного цвета. Остановилась она как раз рядом с девушками. Пассажирская дверь машины широко распахнулась, и из нее вылез Высоцкий. Был он хмур. Дубленка распахнута. «Почти такая же, как у меня, только, наверно, все же не болгарская, а итальянская – Марина Влади, верно, привезла», – мимоходом удовлетворенно подумал Антон. Не закрывая дверь авто, актер недовольно бросил в темноту машины кому-то: «Ну, будешь ты мне еще рассказывать!», с силой захлопнул дверцу и ступил на тротуар. К нему подскочил «князь Мышкин» и, даже не пони-

мая, кто перед ним находится, закричал: «Нет ли лишнего билетика?» «Куда тебе-то еще один», – неприязненно подумал о «Мышкине» Антон.

Высоцкий, грустно улыбаясь, покачал головой. Лицо его при виде толпившихся поклонников театра и аншлага тем не менее перестало хмуриться. Тут к поэту подскочили толстуха с подругой. «Владимир Семенович, контрамарочку, умоляю!» – запищала толстуха. Высоцкий остановился, внимательно и чувственно посмотрел на голубоглазую, и Антон, безо всяких на то оснований – он имени ее даже не знал! – ощутил мгновенный укол ревности. Лицо актера между тем разгладилось, он улыбнулся, достал из кармана дубленки заветную белую бумажку. Игнорируя толстуху, быстро отдал контрамарку «девушке Антона» и стремительным шагом, как нож сквозь толпу «стрелков», прошел к главному входу в театр. «Высоцкий, Высоцкий», – прошелестело в толпе.

«Ура!» – завопила толстуха на всю площадь. «Девушка Антона» скромно улыбнулась. Бросила взгляд на Антона – взгляд, в котором одновременно читались радость удачи, извинение за то, что ей, а не ему повезло, и сожаление, что они расстанутся. Расстанутся, похоже, навсегда. Толстуха уже тащила ее в театр. «Это Высоцкий, я видела, сам Высоцкий!» – возбужденно тараторила она. Девушки исчезли за дверями театра.

Положение Антона становилось отчаянным. Было уже без трех минут семь. Мало того что он не попадал на спектакль – «Антимиры» можно и потом посмотреть, не последний раз играют, – а вот девушку Антон мог видеть последний раз. Или ждать окончания? Нет, на такой подвиг верности Антон был не способен. И тут он сделал то, чего бы не сделал, когда б не голубоглазая, никогда в жизни. Он вскинул руку вверх и закричал на всю площадь: «Червонец сверху за лишний билет!» От него испуганно отшатнулись. Двое-трое «искусствоведов в штатском», в своих тяжелых черных пальто, стоявшие среди театралов, проницательно посмотрели на Антона. Вокруг него в толпе мгновенно образовалась пустота.

Спустя минуту тем не менее к нему подошел хмыреньш, одетый чуть ли не в телогрейку, и прошептал: «У меня есть билет. Давайте отойдем». «Есть, есть, оказывается, и здесь, в очаге света и интеллектуальной оппозиции, «спекули», – подумал Антон. – Деньги все-таки много значат даже и при социализме. Это хорошо». Они с хмырьком отошли, как бы не зная друг друга, за угол театра. Там Антон стремительным движением сунул, прикрывая червонец ладонью, деньги спекулянту. Тот не менее стремительно и тайно передал ему билет. Антон все ж таки осмотрел зеленый клочок бумаги с красно-черным квадратом в левом углу. Все правильно: 21 декабря, «Антимиры», начало в 19 часов, ряд 7, место 18.

Через минуту Антон был уже в фойе. Тут все жужжало в предвкушении начала спектакля. Здесь были студенты, непризнанные поэты, завмаги, космонавты, сотрудники бесчисленных НИИ, журналисты, партийные работники, иностранцы. Словом, самый цвет Москвы. В углу фойе стояла елка, но не такая, как всюду: с шарами, дождиком и красной звездой на макушке, – а особенная. Елка на Таганке была нагая, без единого украшения и почему-то наклоненная, словно Пизанская башня.

С высоты своего роста Антон стал оглядывать фойе в поисках девушки. Надо застать ее сейчас – спектакль, кажется, идет без антракта. И тут он увидел ее. Она стояла совсем рядом и расчесывала перед зеркалом роскошные золотые волосы. Толстухи подле не наблюдалось. Девушка увидела отражение Антона позади себя в зеркале и улыбнулась ему, как старому знакомому. В ее улыбке была радость и за него, что он добился и попал-таки на спектакль. И от того, что судьба, навеки, казалось бы, разлучившая их, дает им еще один шанс. Антон понял, что будет разнаипоследним олухом, если не подойдет к ней сейчас же, не откладывая ни секунды.

– Эту контрамарку вы будете хранить всю жизнь, – нагибаясь над девушкой, сказал Антон ее отражению в зеркале. Он ненавидел пошлые мужские первые фразы («Вы не зна-

ете, который час?») и с каждой новой девушкой придумывал, сообразно моменту, что-нибудь оригинальное.

– Потому что мне ее подарил Высоцкий? – спросила она, не оборачиваясь, у его отражения. Голос у нее был красивый, мягкий и низкий.

– Нет, потому что она познакомила нас с вами, – дерзко сказал он.

Никто из них, ни он, ни она, не догадывались, что это игривое предсказание-треп в самом деле сбудется.

Москва, 1 января 1973 года

Общага бушевала. То и дело по коридору, как слоны, топотали ребята. То там, то здесь за тонкими стенами раздавались громовые взрывы хохота. В комнате рядом раз за разом заводили «Мисс Вандербильд» – последний хит Пола Маккартни, каким-то чудом уже через пару недель после выхода диска в Англии просочившийся в СССР сквозь железный идеологический занавес. «Хоп! Хей-хоп!» – орал магнитофон. Народ за стенкой подхватывал припев и грохотал, танцуя.

А в этой комнате было темно и тихо. Девушка лежала голая на кровати и плакала. Антон стоял у окна и смотрел на огромную изукрашенную елку во дворе общаги. Новый год. Новогодняя брачная ночь. Новогодняя *первая* брачная ночь. «Вот незадача, – подумал он. – Кто ж знал, что она – девушка. Теперь хлопот не оберешься».

Антон отвернулся от окна. В темноте комнаты угадывались четыре кровати, две тумбочки, шкаф. На полу в беспорядке валялась их одежда. Свет от блеклого фонаря освещал ее обнаженную спину. Лицом она уткнулась в подушку. Временами слышались всхлипы.

Антон присел на кровать. «Ну будет, будет», – потрепал он ее по плечу. Вдруг она порывисто повернулась и села в кровати. Щеки ее были мокры. Грудь, замечательные, роскошные груди, смотрели прямо на него. У него вновь возникло желание.

– Ты меня любишь? – строго, словно прокурор, спросила она. Глаза ее в темноте смотрели пристально.

– Ну конечно, – вяло ответил он.

– Скажи: ты любишь? – снова вопрошала она.

– Да, конечно, я люблю тебя, маленькая.

– Я тебе не маленькая! – закричала девушка. – Не называй меня так!

– Хорошо, хорошо, – умиротворяюще проговорил он. – Ты – миленькая, хорошенькая, дорогая... И я очень тебя люблю.

Она обхватила его руками и зарыдала теперь уже на его плече. «Только ни в коем случае не надо обещать жениться», – отстраненно подумал он и стал целовать ее шею, волосы, щеки, мокрые от слез. Потом он опустил ее на кровать и принялся целовать грудь. Жар желания затопил все его мысли...

«Хоп! Хей-хоп!» – заорали за стеной друзья-студенты, в очередной раз подпевая Маккартни.

*Шоссе Москва – Южнороссийск,
май 1999 года*

«Пожалуй, мне все-таки страшно», – подумала Таня.

Она *решилась* на это. Она едет на юг. Сама. И не надеется ни на чью помощь. Полагается только на собственные силы и на свою машину.

Ее «пежик» беззаботно и резво катит по Каширскому шоссе, удаляясь от Москвы.

«Пежик», ее любимый и ненаглядный автомобиль, казалось, ничего не боится. Он абсолютно уверен в том, что не сломается по дороге и вместе со своей хозяйкой благополучно доберется до Черного моря.

Таня тоже не беспокоится о том, что ей придется чиниться в какой-нибудь дыре. «Пежо» – это вам не старая зеленая «копейка», на которой Таня училась водить. «Копейка» как будто обижалась на то, что на ней ездит новичок, сердилась из-за того, что Таня слишком резко бросала сцепление и опасно тормозила... Поэтому и ломалась часто. Таня на ней не то что на юг – в ближайший пригород боялась выезжать. Особенно после того, как морозным ноябрьским вечером у нее «полетел» бензонасос. Таня тогда так намерзлась, дожидаясь чьей-нибудь помощи, что потом неделю валялась с тяжелой ангиной – ни водка, ни горячая ванна не помогли.

Но уж «пежик»-то ее не подведет – это Таня знала. Не беспокоилась она и о том, что будет делать, когда доберется наконец до заветного сундучка. Таня жила сегодняшним днем. До сокровищ еще далеко. Доберемся до них – там и будем думать.

Сейчас ее волновали возможные дорожные приключения. Ведь на дорогах встречаются бандиты – могут не только машину отобрать, но и хозяйку прикончить. А прилипчивые провинциальные гаишники – вдруг прицепятся к одинокой девушке на новенькой иномарке? Есть еще и крутые шутники на джипах, которые обожают притираться к женщинам за рулем...

«Надо было бы взять кого-нибудь с собой, – думала Таня. – Только кого, черт возьми, кого? Печального Гарика? А какой с него толк, с этого Гарика...»

Таня вспомнила, как однажды ее машину – ту самую битую-перебитую «копейку» – поцарапало крутое «БМВ». Она как раз припарковалась во дворе и подкрашивала губы, глядя в зеркало заднего вида. Печальный Гарик сидел рядом, на пассажирском сиденье, и восхищенно за ней наблюдал. Он всегда смотрел на нее так – с восхищением и с каким-то беспо мощным обожанием.

Тут-то «БМВ» и въехало ей в левое крыло. Вмятина, конечно, получилась курам на смех, но ведь обидно! А еще обидней было то, что «БМВ» спокойно проехало вперед и встало впереди Тани. Из машины вышли двое «крутых» и не спеша направились к подъезду – как будто ничего и не случилось...

– Игорь, сделай же что-нибудь! – отчаянно крикнула Таня. Но Гарик как будто окаменел. Он молча сидел в машине и явно не собирался из нее выходить.

Тогда она сама фурией выскочила из своей поцарапанной «копейки». Догнала «крутых». И вцепилась в рукав одному из них.

– Ты что, гад, совсем охренел?

«Крутой» ошарашенно посмотрел на Таню – какая-то сопля на дряхлой «копейке» посмела его обозвать? Его рука автоматически потянулась к внутреннему карману... «Пистолет», – как-то отстраненно подумала она.

Ну и черт с ним, с пистолетом! Таня вцепилась в «крутого» еще крепче и пронзительно завизжала:

– Ты разбил мне машину! А она чужая – папина! Что я ему теперь скажу?!

Второй из лбов насмешливо взглянул на девушку:

– Твою тачку что бей, что не бей – чисто конкретно рухлядь...

Ага, они заговорили.

Значит, стрелять уже не собираются. Значит, можно попробовать установить контакт.

Таня жалобно посмотрела на «крутых». Она знала – слезы в глазах и чуть наморщенный лоб ей даже идут, мужчины от этого тают, им становится жаль ее: красивая девушка – и так расстроена...

– Для вас – рухлядь, а папа на нее пять лет копил... – И про папу, и про «пять лет копил» – все было вранье. Но это не помешало ей жалобно заныть. – А вы меня сту-у-кнули...

Таня выдавила пару слезинок. Слезинки, она это тоже знала, хорошо смотрятся на ее ухоженном и слегка загорелом лице.

И «крутые» сдались. Они вместе с Таней вернулись к ее машине и осмотрели царапину. (Она во время осмотра все время испуганно повторяла: «Папа меня просто прикончит за эту вмятину!»)

«Крутые» безразлично потрогали битое крыло.

– Сотни тебе хватит выше крыши!

– Если баксов – то хватит, – уверенно ответила Таня.

– Ты что, мать, охре... – начал один.

А второй... второй его остановил. Он сунулся в карман и небрежно протянул Тане стодолларовую бумажку:

– Держи, детка. За царапину. И на мороженое еще останется...

«Крутые» повернулись уходить. На прощание они окинули взглядом красивую Таню, ее старенькую машину и – парня, который во время всей этой сцены даже не высунул на улицу носа.

Таня потерянно стояла во дворе. Напряжение спало, ее охватила ужасная усталость. «Ведь убить могли, гады», – думала она.

И только когда «крутые» скрылись в подъезде, из машины наконец-то вылез Печальный Гарик и стал ее утешать.

– Где ж ты раньше-то был? – презрительно поморщилась Таня.

Гарик промямлил:

– А что я мог сделать? У них же пушки!..

После этой истории она месяц не отвечала на его телефонные звонки. Потом они все-таки помирились, но уже было ясно, что полагаться на этот экземплярчик нельзя. Таня по-прежнему играла с ним в теннис и спрашивала совета, когда у нее ломался компьютер. Но взять его с собой на такое серьезное дело? Да никогда!

...Может, стоило позвать Димку? Он-то посмелей: и в драку полезет, и защитит сможет. Только уж слишком безалаберный. Таня его так до конца и не раскусила – что ему, Диме, вообще-то нужно от жизни?

Останавливало ее и еще одно – Дима очень любил деньги. Можно сказать, преклонялся перед ними. И кто его знает, как он себя поведет, когда увидит, что за богатства находятся в сундучке. Ведь по большому счету он ей ничего не должен...

Таня проехала километров двести. Она мельком взглянула на мобильный телефон – уже вне зоны приема. Теперь заработает только в Воронеже. А километров пятьсот она будет *совсем одна*. Даже без связи.

Тане стало грустно. Почему ей так не везет на личном фронте? Почему она до сих пор не с кем-то?

Ведь с карьерой-то и деньгами все, наоборот, складывается вполне удачно. Поступить в престижный институт без блат и связей – разве не лотерея, в которой она победила? Попасть на работу в надежную и богатую фирму, чтобы тебя выбрали из нескольких сотен претендентов? Выиграть конкурс на учебу в Америке? Со всем этим у Тани получилось. Получилось легко.

Зато – наверно, в качестве компенсации – в личной жизни Тане не везло абсолютно. *Влюбляться до смерти* – так, чтобы голова кругом и все мысли только о НЕМ, – она не умела. Не влюблялась ни разу, хотя и дожила до двадцати пяти лет. А просто *приятель* ей попадались какие-то неудачные. К ней часто тянулись слабаки типа Печального Гарика, которых притягивали ее красота и уверенность в себе. Но ей-то зачем такой задохлик?

Нравилась Танечка и уверенным в себе мужчинам. Но они – тоже удачливые в плане денег и карьеры – никогда не имели на ее счет серьезных намерений. Они искали себе *тихую*,

послушную и домашнюю жену. От сильных и смелых женщин-коллег они уставали на работе. А какая из Тани тихая жена? Если что не по ней – никогда не уступит.

Вот так Таня и оставалась всегда одна.

Ей совсем взгрустнулось. На глазах выступили слезы.

И тут... щелкнул прикуриватель. Таня *точно* помнила, что не *включала его*. Она ошеломленно рассмотрела приборчик – действительно, сияет красными угольками. Таня на ошупь прикурила, почти не отрываясь от дороги.

Она открыла окошко, пепел от сигареты сдувало теплым летним ветром. Ветер же высушил слезы. Таня погладила своего «пежика» по рулю с выдавленным львенком и нежно прошептала: «Спасибо тебе, мой мальчик».

Она была *абсолютно уверена*, что НЕ ВКЛЮЧАЛА прикуриватель. Это ее «пежик» понял, что ей плохо, и предложил покурить и отвлечься от грустных мыслей.

* * *

Зять опять напился. Да она почти не сомневалась в том, что он и сегодня напьется.

– Давай, баб Маня, собирайся, щас домчим в момент! – браво кричал он. Схватил «Приму», долго не мог состыковать огонек зажигалки с сигаретой и пошел во двор заводить «Москвич».

Дочка Лена смотрела на мать испуганным взглядом. Они обе понимали, что ехать ему нельзя – убьется. Со двора слышалась ругань – зять споткнулся на пороге и растянулся на сырой после дождя земле.

– Опять нажрался, урод... – грустно прошептала Лена. Она виновато смотрела на мать. «Видать, помнит, как я уговаривала за него не идти», – поняла Мария Петровна.

У Марии Петровны слегка поплыло перед глазами. Она вспомнила свадьбу – свою красивую Леночку в белоснежном платье, лихого зятя в шикарном галстуке, веселую толпу, тосты и крики «горько». И вспомнила, как увидела в церкви: стоят у алтаря ее доченька с женихом, а между ними – крошечный человечек, весь в черном. Расталкивает их и злорадно ухмыляется.

Видение было таким ясным, что Мария Петровна тогда даже чуть не закричала: «Сгинь, проклятый!» Она закрыла на секунду глаза – и когда снова их открыла, все было по-прежнему – красивая невеста, мужественный жених, веселые гости и счастливая жизнь впереди.

И только Мария Петровна знала – счастья в их жизни не будет. Крошечный злой человечек не даст ее дочери построить семью.

Мария Петровна грустно оглядела бедненько обставленную хату – а каким может быть скarb у горького пьяницы? Выглянула в окно – зять все пытался отпереть машину (Леночкино приданое) и никак не мог попасть ключом в дверь...

– Останови его, доча, – решительно сказала она. – Я доберусь сама.

* * *

К обеду Таня отмахала уже больше трехсот километров. Не останавливалась ни разу – зачем тратить время, если она не устала? Да и привлекать внимание не хотелось. Но поесть на ходу она никак не сможет. Таня свернула на проселочную дорогу. За лесополосой оказалось поле. Тишина, свежая зелень, ни домов, ни машин... Она постаралась припарковать «пежик» так, чтобы его не было видно с шоссе, и заглушила двигатель. На заднем сиденье лежал пакет с ее фирменными бутербродами – маленькие кусочки хлеба, а на них – много-много сырокопченой колбасы. В другой пакет она набрала соленых помидоров производства

Юлии Николаевны – таких острых, что их не могли съесть ни сама мама, ни один Танин гость. Обед дополнял термос с кофе. «Ничего вредней для желудка и придумать нельзя», – сказала бы по поводу этой ее трапезы Юлия Николаевна. Но Таня считала, что главное в жизни – это делать то, что нравится. И если ей нравится соленое и острое, то и наплевать на всякие возможные гастриты и колиты. Может, ее желудку даже полезно такое питание – вдруг он от него, наоборот, не разбалтывается, а закаляется и крепнет?

Только вот одной есть скучно. Поболтать бы сейчас с кем-нибудь. Посмеяться. Обсудить приключения, что наверняка начнутся в Южнороссийске. Но вокруг были только поле и тишина раннего лета. И ее друг «пежик» рядом. Ее единственный друг.

* * *

Лена проводила Марию Петровну на автобусную остановку и заторопилась домой. «Вдруг он там без меня еще дом спалит?» – виновато сказала она о муже. Они скупно попрощались. Говорить было не о чем: и мать все понимала, и дочь знала, что та все понимает...

Мария Петровна пристроила тяжелую сумку на скамейку, чудом сохранившуюся на разоренной остановке. Расписание было вырвано с корнем. Да и без расписания ясно, что сидеть ей тут и сидеть. Может, час, а может, и два... Пока автобус не соизволит приехать. Попутку ловить бесполезно – кто ж ее, старуху, да еще и без денег, возьмет?

У остановки мягко притормозила красивая заграничная машина.

* * *

Таня до того соскучилась и загрустила наедине с собой, что решила взять попутчика. Даже бесплатно – просто поболтать по дороге. После обеда ее клонило в сон, да и одиночество надоело. А попутчик и сон разгонит, и расскажет что-нибудь интересное...

Она держалась в правом ряду и смотрела, не проголосует ли кто-нибудь с обочины. Два парня в кирзовых сапогах... Не подходит. Крашенная девица в вызывающей «мини»... Нет, эта ждет явно не ее, а какого-нибудь изголодавшегося по ласке дальнобойщика. Наконец на остановке она увидела сухонькую бабулю. Бабуля не голосовала – она терпеливо сидела на лавке и явно ждала автобуса. Долго же ей ждать придется! Таня помнила, что единственный междугородний автобус она обогнала с час назад.

«Пежик» притормозил аккуратно и плавно – чтобы не испугать старушку.

Таня высунулась из машины и приветливо предложила:

– Давайте подвезу!

Увидев испуг в глазах старой женщины, добавила:

– Я в машине одна. И подвезу бесплатно!

* * *

Мария Петровна уютно устроилась на переднем пассажирском сиденье. Сумку они положили в багажник. Мария Петровна сначала хотела взять ее себе на колени, но девушка сказала:

– Зачем вам такую тяжесть на руках держать? А заднее сиденье у меня все завалено...

Марии Петровне никогда раньше не доводилось ездить в таких шикарных машинах. Дороги не чувствовалось – они вроде как по реке плыли. Не то что этот автобус, который прыгает на каждой кочке. И сидеть так мягко и удобно – ее спина как на перине, ни одна косточка не ноет.

Девушка молча смотрела на дорогу, с вопросами не приставала – давала ей возможность прийти в себя. Машину она вела уверенно и спокойно, обгоняла грузовики непринужденно и быстро.

Старушка устроилась на сиденье еще удобнее – оказалось, что можно спокойно вытянуть ноги и они ни во что не упрутся, – и завела разговор...

Они ехали вместе три часа. И все три часа проговорили, как равные. Как будто и не было у них разницы в возрасте. Как давние друзья – без секретов, без недомолвок. Таня рассказывала о своей семье, о своей жизни, о том, как ей везет в работе и не везет в любви. Мария Петровна говорила о дочке и о своей нелегкой жизни на одну только пенсию – помочь-то некому, муж давно умер...

За окном пролетел Воронеж. Они объезжали город по кольцевой дороге, которая проходила через чудесную сосновую рощу, и остановились там – подышать волшебным хвойным воздухом и перекусить. На том, чтобы остановиться, настояла Мария Петровна:

– Ты, дочка, с лица уже совсем спала. Отдохнуть тебе пора!

Мария Петровна попробовала Таниных «неправильных» бутербродов и с удовольствием съела целых два острейших помидора. Сказала, что очень вкусно и она в свои соленья теперь тоже станет добавлять больше уксуса и перца.

Поев, они стояли у машины и наблюдали чудесный летний закат. Смотрели, как молодое, сильное солнце неохотно опускается все ближе и ближе к сосновым вершинам...

И вдруг Марию Петровну как кольнуло. Она почувствовала *что-то не то*. Перед глазами поплыло, как тогда, в день свадьбы ее дочери Лены. Таня же ничего не замечала – она не сводила глаз с уже неяркого солнечного диска. Мария Петровна тихонько оглянулась... и увидела. Рядом с машиной стоял **человек в черном**. И внимательно смотрел на Таню, протянув к ней руки. От этой мнимой фигуры – Мария Петровна ни секунды не сомневалась в том, что ей опять видится, – исходила какая-то огромная тревога. И мольба. Мольба, обращенная к Тане.

Через секунду **черный человек** слился с наступающим сумраком и исчез.

* * *

– Танечка, а зачем ты едешь в Южнороссийск? – первым делом спросила Мария Петровна, когда они наконец отправились дальше.

Таня пожала плечами:

– Да так, маленькое семейное дело.

Она совсем не собиралась посвящать попутчицу – пусть и милейшую бабулю! – в свои планы.

«Как же ей рассказать о видении? Да чтоб поверила? Чтоб за психическую не приняла?» – ломала голову старуха.

Они уже свернули с трассы и подъезжали к ее дому.

– Дочка, переночуй-таки у меня! – в который уже раз предложила Мария Петровна.

Но Таня хотела добраться до Богучара и заночевать там. Это еще сто пятьдесят километров. Значит, за день получится семьсот тридцать, и еще столько же останется на завтра. К будущей ночи она уже будет в Южнороссийске – доберется туда за два дня, как и планировала. А Таня любила исполнять намеченные планы.

– Нет, баб Мань, на полчаса заскочу чайку выпить – и дальше.

– Упрямая ты, доча, – не переспорить. Со мной-то упрямясь, мне не жаль, а вот мужики-то этого ой как не любят...

– Да я и сама уже поняла, что не любят, – сердито ответила Таня. – Только что ж с собой поделаешь...

Они подъехали к унылой пятиэтажке. Выгрузили сумку. Таня вызвалась нести ее сама. В квартире («Боже мой, неужели бывает такая бедность?» – подумала столичная девушка Таня) Мария Петровна захлопотала над чаем. А Татьяна прохаживалась по единственной комнате, оклеенной выцветшими, драными обоями, рассматривала фотографии, которыми вместо ковров были украшены стены. Вот баб Маня, совсем еще молодая, и рядом ее муж. Вот маленькая дочка Леночка... Леночка в школе... А вот уже Леночка с женихом – тем самым, непутевым. Таня сняла фотографию и всмотрелась в лица молодоженов. Красивая девушка с робко-влюбленным взглядом. И матерый, нахальный парень. С виду – идеальная пара. Но Таня поняла, *что* имела в виду Мария Петровна, когда говорила, что *она раскусила жениха дочери с первого взгляда*.

– Доченька, пошли, чай готов, – позвала ее с кухни баб Маня.

За чаем Мария Петровна решила:

– Послушай меня, Танечка, только не бойся... Тут соседки говорят, что колдунья я... А я не колдунья... Я просто иной раз будущее вижу... И сбывается...

* * *

В Богучар Таня приехала вскоре после полуночи. Долго кружила в темноте по ухабистым улочкам в поисках гостиницы – останавливаться и спрашивать у редких прохожих не хотелось. Подумала, что город маленький и в конце концов она наткнется на гостиницу сама.

Поиски заняли почти час. Никак Тане не могло прийти в голову, что нужно сначала проехать городское кладбище, за ним, совсем рядышком, будет больница, и только потом – местный отель.

Регистраторша в гостинице скучала.

– У вас можно переночевать? – спросила с порога Таня.

– Нужно! – с готовностью откликнулась администратор. Гостиница была почти пустой, но советские правила оставались в силе. Служащая внимательно осмотрела Таню и ее багаж, тщательно пролиستала все странички паспорта... Потом пришлось долго заполнять анкету.

– Вам комнату с туалетом? Это дороже. Ах, вы на машине... Место на стоянке стоит тридцать рублей...

Гостиница выглядела и, наверно, была пустой. На стоянке стоял лишь один «жигуленок» с московскими номерами.

Танин номер оказался обветшалым и казенным. Ванна и унитаз были засыпаны толстым слоем извести. «Ну и дезинфекция, – подумала она. – Эпидемия у них тут была, что ли? Пойдешь душ принимать – выйдешь с обуглившимися ногами».

Изловчившись, Таня поплескалась под краном.

В гостинице было тихо как в гробу. Из окна виднелось кладбище. Только в два часа ночи Таня провалилась в сон. Последней мыслью, перед тем как ей заснуть, была: «Интересно, а правда это – насчет **человека в черном?**»

Мария Петровна тоже долго не ложилась спать. Сначала она сидела на кухне. Потом бродила по комнате, разглядывая фотографии... Особенно долго стояла у той, свадебной, где Леночка такая красивая и ее муж так уверен в себе. Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, сняла фотографию со стены. Из рамки выпала зеленая бумажка – сто долларов. Мария Петровна знала, что если перевести в американскую валюту ее пенсию, то получится – двадцать долларов. Откуда? Оставалось одно: изловчилась юная попутчица. Значит, Танечка подарила ей пять пенсий. Подарила от души, ничего не прося взамен и даже ничего не сказав...

Москва, июнь 1973 года

Июньское солнце густо заливало Москву. По жгучему асфальту улицы Горького тащились троллейбусы, нечасто проезжали грузовики и «Волги».

Антон остановил такси у перехода напротив Центрального телеграфа. Шофер в белой кепочке дважды крутанул рычаг счетчика. Цифры на табло высветили: «3.62».

– Как раз, – усмехнулся Антон.

– А на закусь-то будет? – обернул шутку в свою пользу водитель.

– Будет-будет, еще и на похмелку останется, – Антон протянул шоферу синюю пятерку. – Сдачи не надо.

– Возьми хоть рубль, я ж пошутил, – попытался для порядка отказаться от слишком больших чаевых водитель.

– Бери-бери, пока я добрый. – Антон поощрительно потрепал шофера, вдвое его старше, по плечу.

– Благодарствуйте, – чуть иронично произнес шоферюга и взял пятерку, а сам подумал: «Стиляга, фарца несчастная! Жизнь прожигает, Сталина на него нет!»

– Езжай, трудяга! – Антон хлопнул дверцей. Ох уж эта советская услуга! Мало им дашь – хамят, много дашь – все равно хамят. Уроды!

«Волга», взревев и обдав Антона сизым дымом из глушителя, потащилась вверх по Горького.

Антон, в синих клешеных джинсах, в белом обтягивающем батнике с планочкой, пересек тротуар. За эти несколько секунд пара случайных девичьих взглядов успели остановиться на его упакованной, стройной фигуре, на пронзительно голубых его глазах, на прическе а-ля Леннон. Дамскому полу, на который решительно никакого внимания не обращал Антон, оставалось лишь гадать, кто он, сей богатый красавец: то ли молодой модный парикмахер, то ли подающий надежды балерун Большого, то ли официант из «Метрополя». Антон не был ни тем, ни другим, ни третьим. Числился он обыкновенным советским студентом. Больше того: если бы еще шесть лет назад, когда он, мальчик из села, приехал в Москву поступать, ему бы вдруг сказали, что он этак запросто остановит такси напротив Центрального телеграфа и пойдет стричься в самый что ни на есть модный салон столицы, он ни за что бы не поверил. Да, он умел хорошо рисовать – у него даже была персональная выставка. Точнее, его детские и юношеские рисунки повесили в детском кинотеатре соседнего с его селом города. Все соседи и родственники ездили туда за сто километров их смотреть. Но одно дело – фойе детского кинотеатра в провинции, и совсем другое – приемные комиссии Строгановского и Архитектурного.

Ни туда, ни туда он не поступил. Пришлось идти в текстильный. В текстильный его взяли.

Институт хоть и на задворках, и стыдно было признаваться знакомым и девушкам, что он учится там, зато парни в вузе были на вес золота, да и профессора там подобрались классные. Плюс к тому природная сообразительность, быстрый, цепкий ум и неутолимая жажда победы очень быстро сделали Антона заметной фигурой в институте.

Довольно скоро к нему в общагу пришел незнакомый высокий парень с цепким взглядом и густыми выющимися волосами.

– Привет, мне о тебе Фарид рассказывал, – сказал парень, поставив на потертый общежитский стол объемистый портфель. В портфеле что-то звякнуло.

– Одна звенеть не будет, а две звенят не так! – весело прокомментировал гость и протянул руку: – Я – Слава.

Антон тоже представился, хотя не знал никакого Фариды и не ждал никакого Славы.

Слава между тем стал выгружать из портфеля: сначала – шесть бутылок пива, причем не «Жигулевского», а чешского! Затем бутылку водки, да такую, какой Антон никогда

не видывал: из пузырчатого стекла, с синей этикеткой и красной надписью FINLANDIA. После водки на столе появилась внушительная банка черной икры, две огромные светящиеся воблы и блок сигарет CAMEL. Ну и по мелочи: хлебушек, маслице, кусок швейцарского сыра, палка сырокопченой колбасы... Это даже сейчас – целое богатство, а тогда содержимое портфеля Славы можно было приравнять к золотым слиткам.

– Чем обязан? – проговорил обалдевший Антон. Почему-то в первый момент ему показалось, что его пришло вербовать ЦРУ или КГБ. Но он сразу отогнал эту мысль. ЦРУ он на фиг не нужен, а КГБ вербует своих собственных граждан без затей, безо всяких там швейцарских сыров.

– Сейчас, выпьем – поговорим, – сказал Слава. – Не люблю о деле – насухую.

Слава почему-то вызывал у Антона доверие, да и не выгонять же из голодной общаги гостя с таким богатством!

Они уселись. После того как прикончили пиво и воблу, беседа о том о сем (Слава оказался интересным собеседником: умным, острым и начитанным), гость заговорил о деле.

Из недр бесконечно объемистого портфеля он вытащил коричневую гипсовую маску индейца.

– На, посмотри, – протянул он ее Антону через стол, заваленный ошметками рыбы.

Антон внимательно осмотрел маску со всех сторон. С тыльной стороны у индейца имела железная скобочка – чтобы, значит, вешать на стену, украшать жилище. Антон поскреб индейца пальцем.

– Плохое качество, – сказал он. – Через месяц облупится.

– Согласен, – весело промолвил гость. – Было плохое «качество», – продолжил он, подражая Райкину, – и мало «количества» – будет хорошее «качество» и много «количества».

– Но это же китч... – пробормотал Антон, разморенный прекрасным пивом и разговорами, что они вели со Славой о высоком искусстве.

– Опять согласен. Но что еще народу-то нужно? Он что у нас, когда-нибудь Меламида с Комаром с базара понесет?.. Ха!.. Индейца он моего с базара понесет! Десять «рэ» за одного Чингачука! Налетай-торопись, покупай живопись!.. Короче, Тоша, ты мне можешь сделать такую же форму?

– Да это любой скульптор может... – пожал плечами Антон.

– А мне «любой» не нужен. Мне ты нужен, – загадочно сказал гость.

Антон согласился.

Довольно скоро он стал не числившимся ни в каких ведомостях художником в какой-то полуподпольной (а может, и просто подпольной) артели. В артели дела шли хорошо, судя по тому, что за форму головы индейца Слава отвалил Антону триста рублей – сумму огромную, не соизмеримую ни с объемом работы, ни тем более с Антоновой стипендией. Затем Антон сделал для Славы форму девушки с молитвенно сложенными руками. Потом – образец пепельницы в виде черепа. После – нечто вроде театральной маски, изображающей Терпсихору. За каждую работу Антон получал круглую сумму.

Слава в общагу больше не приходил. О времени следующей встречи извещал письмами без обратного адреса, которые поступали в общагу. Готовые образцы он забирал у Антона всегда в людном месте – где-нибудь на Калининском, или на лавочке на Тверском бульваре, или даже в бассейне «Москва».

Первое время Антон дико боялся, что за ним вот-вот придут. К каждому стуку в дверь, к каждому шороху прислушивался. Однажды он поделился своими страхами со Славой. Тот пожал плечами: «А за что тебя сажать? Даже если вдруг чего случится – ты-то будешь проходить как свидетель. Друг тебя просил – ты формы делал».

– А деньги?

– Какие деньги?! За бутылку ты мне их делал, за «спасибо», за банку икры. Нет, старина, перед законом ты чист.

После этого разговора Антон почти успокоился. Стал с удовольствием тратить деньги. При этом не слишком усердствовал, расходовал их осторожно, чтоб не дай бог не стукнули, что студент живет не по средствам.

Вот и сейчас Антон вошел в парикмахерский салон напротив Центрального телеграфа – один из самых модных в Москве, но в то же время не такой дорогой, как «Чародейка» на Калининском.

Через час он вышел преобразившимся. Кудри а-ля Леннон исчезли. Белоснежка их никогда не любила, а сегодня предстоит решительный разговор. Надо ей угодить.

Из зеркала в фойе салона на Антона глянул модный парень в джинсах и с аккуратной стрижечкой в духе комсомольских работников среднего звена. Единственная вольность, которую он оставил, – бакенбарды в стиле западногерманского защитника Беккенбауэра. До свидания оставалось семь минут. А она никогда не опаздывает.

Антон вышел на жаркую улицу Горького. Припекать стало еще сильнее. Антон не пошел к переходу – условленному месту встречи, остановился в тени дома.

А вот и она. Поднимается снизу, от гостиницы «Москва», помахивает сумочкой.

Подошла, улыбаясь. Он наклонился, поцеловал небрежно.

– Куда мы пойдем? – спросила она, беря его под руку.

– Давай промочим горло глотком доброго фалернского, – предложил Антон.

Девушка пожала плечиком. Они спустились на сто метров ближе к Кремлю, к самому модному молодежному кафе «Космос». В «Космосе» Антона знали, тут же посадили их за столиком у окна на втором этаже.

Антон заказал коктейль «шампань-коблер» и два по сто пятьдесят мороженого. Девушка от выпивки отказалась, и ей принесли газировку с сиропом. Здесь было самое вкусное в Москве мороженое. В креманках лежали политые шоколадом шарики с торчащим, как антенны, печеньем. Из открытого окна дул ветерок, и жары почти не чувствовалось.

– Ты наконец постригся, – удовлетворенно заметила она, облизывая ложечку с мороженым.

– Битлы уже не в моде.

– А что в моде?

– «Джизус Крайст – суперстар». Слышала?

– Нет. А что это?

– Рок-опера. В следующий раз притащу тебе запись. Там Йан Гиллан поет. «Энд Джизус, энд Джизус, энд Джизус маст дай!..» – тихонько запел Антон.

– Тш-ш! Услышат ведь! – зашикала она. И правда, с соседних столиков стали оглядываться. – Ну что ты за несерьезный человек!.. «Госы» на носу, а ты – «Джизус»!

– Ох-ох-ох, подумаешь, «госы»!.. Все равно сдадим. Тройки-то поставят, куда они денутся. Меня другое волнует... – Он сделал паузу. Пауза была значительной.

Они должны были как-то определить свои отношения. К этому подталкивало не развитие их чувств, но логика советской действительности. Они оба не были москвичами, оба учились в разных вузах. Скоро распределение, и, если они не узаконят свою связь, его могут отправить в один город, ее – совсем в другой. Ей-то, впрочем, как отличнице, светила аспирантура, а значит, еще три как минимум года жизни в столице. Но Антона вполне могли сослать куда-нибудь в Иваново – «город невест».

– Ну и что ты хочешь сказать? – не выдержала она.

– Как мы будем... дальше...

Она поняла.

– Как? – вызывающе блестящими глазами посмотрела она на него. – Ты мужчина. Ты решаешь.

– А что тут решать? Давай поженимся.

– Это что, официальное предложение?

– Да! Да! – вдруг разозлился он. – Официальное!

– Ну, раз официальное, – улыбнулась она, – тогда я его принимаю.

– Официант, еще два коблера! – закричал на все кафе Антон.

– Один!

* * *

Таня с удовольствием проспала до одиннадцати. Сквозь сон она слышала, как шваркают ведрами уборщицы в коридоре... Чувствовала, как яркий луч солнца пробивается по ее комнате и греет лицо... Кровать была жесткой и неудобной, а простыни – какими-то «черствыми».

«Надо бы просыпаться и ехать дальше», – в полудреме думала Таня. Но так не хотелось вставать...

Зато в итоге она отлично выспалась. Сварила кофе – благо все необходимое для этого было в наличии. Без собственных стакана, ложечки и кипятильника Таня не путешествовала никогда и никуда. Вода в кране имела – в сумке же лежали растворимый «Кап Колумби» и сахар.

Сегодня у нее было совсем другое настроение, чем вчера. Она чувствовала себя спокойно и уверенно. И совсем не одиноко. Таня была довольна тем, что вчера проехала намеченные семьсот тридцать километров, рада, что познакомилась с забавной старушкой и по мере сил ей помогла...

А Мария Петровна у себя в квартире в это время молилась за счастье и спокойствие Танечки.

* * *

Полковник Валерий Ходасевич в отличие от бывшей супруги Юлии Николаевны никогда не испытывал проблем со сном.

Но сегодня ночью что-то тяготило его. Что-то вмешивалось в его сны, мешало, словно ноющий зуб. Он и спал, и вроде бы не спал вовсе. Несколько раз открывал глаза, вглядывался в сереющий рассвет, потом снова проваливался в мучительную дрему.

Проснулся он по давно заведенной привычке ровно в семь. Как обычно, ныла спина, и во рту было гадко от бесчисленного количества выкуренных вчера сигарет. Зато голова была ясная, и он отчетливо понял, что же должен был сделать уже давно и так позорно упустил из виду.

Он понял, что смущало его в одном из писем княжны. Он взял стул и полез на верхнюю книжную полку. Прямо на стуле он в нетерпении открыл нужную страницу. Так и есть.

«Ну я и шляпа», – сказал он вслух, слез со стула и поплелся на кухню ставить чайник. Хотя все это еще мало что значит.

Через час он уже был одет и благоухал одеколоном «О Саваж» от Кристиана Диора. Хотя Валерий Петрович никуда не выходил неделями, в шкафу у него висели двенадцать костюмов, сшитых под его огромную фигуру на заказ; имелось две дюжины рубашек и не менее полусотни галстуков. Сегодня он выбрал зеленый вельветовый пиджак с черным шейным платочком. В нем Валера смотрелся настоящим франтом.

В 8.15 он вышел на свою тихую улицу и поднял руку, подзывая частного.

* * *

– Сколько можно ждать-то?
– Я сказал: пусть сидят.
– Так ведь семь лет уж сидят!
– И будут сидеть!
– Им-то что! Они-то там парятся, как на курорте. А мне самому пацаны нужны...
– Кончай базар! Я сказал: сколько надо – столько будут сидеть!
– Так ведь не придет никто...
– Придет! Придет!.. И если, сука, ты мне его упустишь – я тебе глаз на жопу натяну!
Тебе – лично! Не пацанам твоим, а тебе! Ты понял меня, говнюк?
– Понял.
– А еще раз об этом возбужнешь – я тебя сразу, без базара, урою. Понял?.. Пацанов ему не хватает!.. На морвокзаленими! Педрила!..

* * *

Юлия Николаевна, конечно, еще спала.
Валерий Петрович долго звонил, пока наконец из-за железной двери не донесся резкий голос его бывшей жены: «Кто здесь?» Потом дверь стремительно распахнулась.
Юлия Николаевна была в халате поверх ночной сорочки. Лицо ее измялось от крепкого сна.
– Что? Таня? Что?
– Все в порядке, Юлечка, все в порядке, – умиротворяюще проговорил Валера. – Она мне вчера звонила из Воронежа. Полпути проехала. Здорова. Бодрa и весела.
– Зачем ты приехал?
– Позволь я войду и расскажу тебе.
– Заходи.
Валера внес свою тушу в крошечную прихожую.
Юлия Николаевна, несмотря на полное «растрепе», халат и следы от подушки на лице, выглядела очень хорошенькой. Худенькая, как девочка, голубоглазая, и даже густые волосы до сих пор не тронула седина.
– Я пойду умоюсь. Иди поставь чайник, – скомандовала она, как командовала им все тринадцать лет их жизни бок о бок.
Когда она вышла, Валера уже приготовил бутерброды, разложил в вазочки варенье, достал печенье и конфеты.
Юлия Николаевна переоделась. Выглядела она, несмотря на сеточку морщин у глаз и рта, на загляденье. Даже легкий макияж успела навести. Он был ей к лицу.
– Я не ем по утрам, – резко сказала она.
– А я ем всегда, – отшутился Валера, доставая сигарету.
– Не кури здесь! Что Таня?
Валерий Петрович со вздохом отложил курево и тщательно, во всех подробностях, изложил ночной разговор с Таней. Потом выпил чашку крепчайшего кофе, съел три бутерброда с сыром, покурил на балконе и вернулся в кухню. Юлия Николаевна колдовала с баночками, где вымачивался рис. Всю жизнь она сидела на разнообразных диетах. Нынче, видно, был черед рисовой.

Отдуваясь, Валерий Петрович сел на шаткую табуретку и изложил свое дело.

* * *

Ярко-красный «пежик» охотно вез Таню дальше. Они были все ближе и ближе к Черному морю... «Чертовски хорошее сегодня настроение!» – думала она. Увидела большой придорожный щит: «Ростовская область приветствует дисциплинированных водителей» – и рассмеялась. Эх, приветствуют-то не ее! И прибавила газу. Тут же запищал антирадар – Таня превысила положенные шестьдесят километров в час. Аккуратно сбросив скорость, она чинно проехала мимо засады ГАИ – не водитель, а паинька! Впереди всеми красками сиял Дон, и Таня уже предвкушала, что скоро она остановится и купит восхитительной воблы. В воздухе пахло свежестью раннего лета и полной свободой. «Хорошо, что я одна и никто мне не докучает!»

В этот день Таня останавливалась несколько раз. То польстилась на отборную клубнику – в Москве такой еще не было. То захотелось купить корейской морковки. Морковка оказалась что надо – забористая, покруче острых маминых помидоров. Таня с удовольствием съела целую упаковку и пожалела, что не купила больше... Ну и пусть желудок полыхает огнем, зато вкусно-то как! Потом, правда, приходилось останавливаться еще и еще – пить хотелось ужасно. Таня покупала воду, а потом бегала в придорожные кусты «по-маленькому».

Настроение по-прежнему было чудесным. Таня совсем забыла о мифическом **человеке в черном**. Она представляла, как найдет знаменитые сокровища и что с ними сделает. Купит спортивную машину. Объездит весь мир. Купит маме дорогую шубу. Отчиму – дачу в Загорянке. И немного поможет Марии Петровне...

* * *

В 12.30 полковник запаса КГБ Валерий Ходасевич подъезжал на частнике-«Москвиче» к зданию Экспертно-криминалистического центра, затерявшегося на одной из тихих улиц в районе метро «Беговая». Козьмин уже заказал ему пропуск, и спустя пять минут, миновав дотошного милиционера, Валерий Петрович входил в его крошечный кабинет. Козьмин был совсем крошкой – на голову ниже Валерия Петровича – и, весил, пожалуй, раза в три меньше его. Несмотря на это, держался он с необыкновенным достоинством, столь часто свойственным маленьким людям.

Козьмин вышел из-за стола, и друзья обнялись.

– Старый толстяк, – приговаривал Козьмин, оглушенный ароматом Валериного одеколona. – А ты все таким же франтом!

– Все для тебя, малыш.

Козьмин терпеть не мог, когда его называли «малышом». Но это была месть за «толстяка».

– Седай, – пригласил Козьмин, указывая на стулья для посетителей, на которых лежали груды книг. – Скинь все на пол. Чай, кофе?

– Кофе. И чего-нибудь перекусить.

Козьмин встал из-за стола и воткнул в розетку старый железный чайник.

Валерий Петрович с любопытством оглядел кабинет Козьмина. Здесь он еще не был. Кабинет был весь уставлен книжными полками. Книги были по меньшей мере на трех языках – в основном по криминалистике, но имелись три полки, посвященные психологии и психиатрии, и одна – с работами по астрологии. На подоконнике стоял настоящий человеческий череп со спиленной макушкой – он использовался в качестве пепельницы.

На вешалке в углу висел на плечиках полковничий мундир. Сам Козьмин был в стареньком костюмчике. Его галстучек на резинке съехал набок.

Выпили кофе (Валерий Петрович съел весь запас козьминских сушек – единственное, что нашлось у того из «перекусить»). Поговорили о том, кто как жив нынче. Наконец Козьмин сказал:

– Ну, рассказывай. Никогда не поверю, чтоб ты встал с дивана и потащился ко мне, чтобы съесть мои сушки.

– Ах, бедняга! Ты теперь без обеда? Вот до чего довели правоохранительные органы!.. Полковники едят одни сушки!..

И сразу, без перехода, Валерий Петрович приступил к делу.

* * *

В 15.20 Валерий Петрович покинул кабинет Козьмина.

День стоял ясный, сухой, солнечный. Движение было сумасшедшим. Пробки образовались на Беговой, Нижней Масловке, Сущевском Валу, так что домой Ходасевич добрался только в начале шестого. Подумалось: сразу позвонить на мобильный Тане, как только она приедет в Южнороссийск, говорят, там устойчивая зона приема, но после решил, что торопится.

Козьмин обещал – кровь из носу – сделать экспертизу «за два дня и две ночи». Добавил при этом, что сверхурочная работа обойдется толстяку в бутылку джина. «Как я ему, интересно, на свою пенсию куплю заграничный джин за четыреста рублей? – подумал Ходасевич. – Может, нашенским обойдется – за семьдесят? Да нет, такая работа – да еще безо всякой очереди, да еще сделанная самим Козьминым, дорогого стоит».

* * *

Несмотря на то, что она поздно встала и превысила запланированное число остановок, Таня была в Южнороссийске в тот же день. Ну, не совсем «в день» – к гостинице «Южнороссийск» она подъехала в три часа ночи. Измученная путешествием, серпантинном последнего, горного, участка, но по-прежнему веселая.

Ура! Первый этап Большого Приключения – позади.

Балкон ее одноместного номера выходил на море. От него веяло влажной соленой прохладой. Ночь была теплой. В бухте мерцали огоньки буксиров и пароходов, стоящих на рейде. Из порта доносилась усиленная репродукторами скороговорка.

Первым делом Таня позвонила отчиму. Валерочка – будто и не спал вовсе – взял трубку со второго гудка. Ласково поздравил ее с приездом. Маму она решила в такое время не тревожить...

Южнороссийск, май 1999 года

Южнороссийск был городом моряков. Здесь все и вся было связано с морем. Рыболовецкие сейнеры, пароходы с лесом, контейнеровозы, танкеры, буксиры и катера облепляли побережье и наполняли воздух запахами солянки и путешествий. Иной раз жаловали в город военные корабли, швартовались у морвокзала, вывешивали приветственные флаги. На корабли дозволялся доступ. Выстраивалась очередь. Матросы в белом снисходительно посматривали на посетителей. Мальчишки пробирались на корабль по десять раз на дню. Едва ли не все они мечтали стать моряками. В последнее время, впрочем, более престижной стала профессия «мафиози».

Вся городская жизнь вертелась вокруг порта. Главной улицей Южнороссийска считалась протянувшаяся вдоль воды *Набережная*, а вовсе не проспект Мира, где стоял горком партии (теперь – здание городской администрации).

На Набережной располагались самые симпатичные кафешки и дискотеки, здесь всегда было многолюдно и весело. Девушки приходили сюда продемонстрировать наряды и, возможно, познакомиться с каким-нибудь интересным *морячком*. Молодые моряки – а в городе было и среднее, и высшее мореходные училища – щеголяли в наглаженной форме, высматривая симпатичные мордашки.

Приходили на Набережную и молодые мамы с колясками, и пожилые клушки-подружки, и старички. Они сидели на лавочках, что выстроились лицом к воде, и мирно беседовали, глядя на успокаивающую морскую гладь.

Таня не спеша шла по Набережной, с удовольствием вдыхая пахнувший морем воздух. Она опять долго спала и хорошо отдохнула, но теперь ей ужасно хотелось поесть. И не бутербродов – глаза бы на них не глядели! – а чего-нибудь посолидней. Еще со своего гостиничного балкона она увидела, что вся городская жизнь сосредоточена у моря. Поэтому она и отправилась сюда в поисках приличного рестораника.

Проходя мимо многочисленных пищевых точек, Таня очень жалела, что у нас, в России, не принято вывешивать рядом со входом меню, как за границей. Как понять, чем тут кормят? И за сколько? Она заглянула в одну кафешку – ей предложили лишь пиво с чипсами. В другой сказали, что заболел повар и они подают только бутерброды – Таню передернуло. И только в третьем по счету заведении она наконец уселась за столик.

На террасе, выдающейся над морем, уже сняли стекла. Морской ветерок шевелил салфетки.

Посетителей было немного, и выглядели они солидно – мужчины в костюмах, а женщины все в строгих юбках. Официант в бабочке принес меню и с легким осуждением взглянул на ее джинсы. «Наверно, это столовка для местных банкиров, – весело подумала Таня. – Здесь полагается выглядеть круто!» Она быстро сделала заказ, достала из сумочки мобильный телефон («Вы тут считаете, что я недостаточно крутая?») и набрала номер Юлии Николаевны.

– Мамми, привет! Как откуда? Из Южнороссийска. Сажу вот в кафе, смотрю на море... Нет, не колбасу!.. Полноценный обед. Даже с супчиком! Да нет еще, я только проснулась. Буду-буду, буду осторожной, как бабка с язвой... Как какая бабка?! А... это... так, образное выражение. Что там в нашей дурацкой Москве? Ладно, в прекрасной Москве... Ничего, да... Ну ладно, и я тебя целую...

Официант быстро принес заказ: бульон с пельменями в горшочке. На второе она пожелала шашлык из осетрины, на десерт – мороженое и кофе. Запивать решила безалкогольным пивом – у нее еще много дел сегодня.

Она положила на край стола мобильник и принялась за суп. От горшочка поднимался ароматный пар. Пельмени были вкусные, как дома.

Официант, склонившись над ней, налил в бокал пива. Теперь он – как, впрочем, и местная элита – поглядывал на нее с уважением. В Южнороссийске мобильные телефоны были еще в диковинку.

* * *

Все как обычно. Ну и тоска же!

Василий отошел от своего лотка с мороженым и грустно всмотрелся в морскую синеву. С горы, на которой стоял лоток, была прекрасно видна дорога, которая вела из Южнороссийска в курортное местечко Косая Щель.

Косая Щель находилась в пятнадцати километрах от города, и на выходные сюда съезжались отдыхать все, кто мог себе позволить выложить кругленькую сумму за уик-энд в дорогом пансионате. А кто не мог оплатить ночевку – приезжал просто искупаться в чистой, не испорченной соляной воде. В самом Южнороссийске лезли в море лишь ошалевшие приезжие, древние пенсионеры да чересчур пьяные.

Дорога была довольно извилистой, и на ней регулярно случались аварии. Особенно часто разбивались выпившие. Разбивались насмерть – место действительно опасное. Крутой поворот. С одной стороны – вздымающаяся вертикально вверх скала. С другой – отвесный обрыв, а внизу, головокружительно далеко, синее море.

У Васьки на этой работе было два развлечения. Одно – достаточно редкое: смотреть, как случаются аварии. Катастрофы происходили нечасто – в месяц, наверно, раз. Зато каждая была, как в Голливуде. Машины на полном ходу въезжали в скалу. Машины зависали над пропастью. Машины летели вниз с головокружительной высоты, бились о камни, порой взрывались... Васька даже стал таскать с собой на работу видеокамеру – очень он мечтал попасть на телевидение, в передачу «Катастрофы недели». Но аварии всякий раз случались столь неожиданно, что он ни одной пока запечатлеть не смог.

Вторым его развлечением было наблюдать за диким пляжем, который прекрасно просматривался с его горы.

Собственно, это и не пляж, а узенькая полоска острых камней между скалами и морем. У большой скалы, которую местные почему-то называли «Медведем», имелся съезд на поляну, где можно было поставить машину. В самой скале прорубили ступеньки, по которым спускались к воде. Только все равно сюда редко кто ездит – уж больно дно на этом диком пляже плохое. Пока зайдешь в воду по пояс – тыщу раз можно поскользнуться и грохнуться... Приезжают только те, кому не нужно лишнее общество.купаются голыми. Трахаются. Порой группенсекс устраивают. Партнершами меняются. На двоих одну телку делят... Думают, что их никто не видит, – и не знают, что Василий у своего лотка все прекрасно замечает. Только далековато. Хорошо еще, что Рустам бинокль дал... Да только смотреть пока нечего. Пока не сезон. Конец мая. Для приезжих – рано, для местных – холодно... Вот и за сегодняшний день только одна какая-то красная иномарка подъехала. И то из нее вроде никто не выходил – небось браток свою телку даже до пляжа не довел, тянет прямо в машине.

Во, блин, на точку его поставили! Народу – ноль. И кладбище рядом. Кто ж тут мороженое будет покупать? Разве что покойники повылезут. Да им и так холодно, на фиг нужен его пломбир!..

Василию было от чего грустить. За свою работу он получал пятьдесят «рэ» в день плюс процент от выручки. Когда Рустам его поставил на Набережную – во была лафа!оборот колоссальнейший, народ часто поддатый – тут тебе и процентец порядочный, и обчислать в суе можно... А здесь что? Но... Сам шеф сказал с нарочитым кавказским акцентом: «Сыды, атдыхай, морэм лубуйся».

Только зачем ему море? Он с рождения его видит. Уже просолился, как ставрида. Ему не море, ему бабки нужны. Эта Люська с претензией оказалась – и «мортишечкой» ее угости, и на презентики вечно набивается... Не прокормишь. «Придется ее на фиг посылать – с такой-то работой», – грустил Василий, вглядываясь в безлюдное, как всегда, побережье.

Ух ты, да там кто-то есть! Он пригляделся.

По узкой береговой кромке медленно шла девушка.

* * *

Таня не спеша шла по берегу. Позолоченное солнцем море слепило глаза. Берег был ужасный – огромные булыжники и острые обломки скал. Приходилось все время смотреть под ноги. Хорошо, что она догадалась надеть кроссовки, а не какие-нибудь пижонские босножки. Интересно, а искупаться уже можно? Скользя по опасным камням, Таня подобралась к воде. Холодная... Но почему не рискнуть? Если она сейчас найдет то самое место, отмеченное заветным крестиком, то тогда искупается, загадала она. Таня любила играть с судьбой. «Если у машины впереди меня на светофоре будет четный номер – сдам экзамен... Если не расплескаю налитый в чашку кофе – заказчик утвердит работу...» Иногда она сама подталкивала судьбу. Специально пристраивалась на светофоре за машиной с четным номером. Или выпивала кофе через соломинку. С судьбой нельзя играть честно – судьба самой себе очень часто сдает крапленые карты. У нее полна рука козырей, а ты сидишь с шестерками. «Просто» везенья не бывает, считала Таня. Везенье надо *организовывать*...

Вроде идет она правильно. Впереди – море, за спиной – огромные скалы. За этим поворотом должна быть та самая расщелина, на высоте примерно метров пяти. Поворачиваем... Смотрим внимательно... Действительно, похоже на щель. Если очень-очень приглядеться... Когда не знаешь, не заметишь ни за что. Просто серый камень... А может, это и в самом деле камень? Или все-таки расщелина?.. Но даже если щель есть, то она крошечная, кошка не пролезет... Да, мамми была права. У парижской бабуленьки точно поехала крыша... А может, не поехала? Таня прикинула – на эту высоту она вполне в состоянии забраться, цепляясь за острые выступы. А если она упадет? Кругом ни души, помочь некому. Да и потом – она ведь *не кошка*, как ей протискиваться в это крошечное отверстие?

– Не-ет, я возвращаюсь в Москву! – решительно сказала Таня и развернулась.

Она сделала два шага назад, потом решительно вернулась обратно, бросила сумку на камни и полезла на скалу.

* * *

Девушка шла по побережью. Василий быстренько наладил бинокль и внимательно ее рассмотрел. Ух ты, клевая телка! Ножки – блеск, от ушей растут. И по камням как скачет – сущая коза! Молодая! Что ж она тут делает? В одиночестве думает о несчастной любви? Да нет, не похоже. Тогда б не скакала. Сейчас, наверно, разденется до «формы ноль» и в воду полезет. Вот он протащится!

Но девушка в воду не спешила. Она выглядела так, будто что-то ищет... Неужели оно? То самое «спецзадание», о котором говорил Рустам? За которое ему «штуку» посулили? «Не может быть такого, телка просто гуляет», – решительно сказал себе Василий.

Она остановилась. Потом повернула обратно. Сделала пару шагов – и вдруг решительно вернулась на то же, где стояла, место. Бросила сумку и полезла на скалу.

Василий кинулся к мобильному телефону, который выдал ему Рустам со строгим наказом – использовать только по делу.

* * *

Елочки зеленые, а пещерка-то – под ее рост. Это с берега кажется, что отверстие крошечное... Вот он, заветный крестик, на карте! Бабулин клад! А вдруг все-таки там не клад, а какая-нибудь глупая шутка? Сунется она сейчас в эту пещерку, а там, к примеру, скелет.

Или гнездо с гадюками. Или снайпер в нее уже целится... Или – что вернее всего – все там загажено засохшими кучками, исписано похабными словами... А клад – если даже он там был – давно уж передали Краснодарскому краеведческому музею... Спуститься, что ли, отсюда подобру-поздорову...

Таня решительно протиснулась в расщелину.

* * *

– Рустам, это Васек. Клиент на месте. Нет, баба. Одна... Понял. Жду.

* * *

Внутри было сумрачно и очень тепло. Воздух казался таким сухим и горячим, будто сейчас август, а не конец мая. Пещерка была размером с ее кухню – примерно два на три. Ни скелетов, ни змей. А снайпер? Или менты? Внутри никого не было видно. Хотя Таня не могла за это поручиться. О фонарике она не подумала, а свет в пещеру еле проникал. Ну ничего, глаза сейчас привыкнут к темноте, и она все внимательно рассмотрит.

В пещерке явно никого не было. По крайней мере последние десять лет. Ни бутылок. Ни банок. Ни кучек дерьма. Ни бумажек. Ни надписей на стенах.

Шестьдесят сантиметров от пола точно посередине восточной стены... Так написала старуха. Там, в скале, есть небольшая выемка. Просовываешь туда руку. И отваливаешь кусок скалы, нажав его с обратной стороны... Бабушкины сказки!.. Сезам, откройся!.. Таня и хотела верить, и не верила.

Таня еще раз оглядела пещеру и убедилась, что она здесь одна. Какой все-таки сухой воздух... Значит, картины – если они там есть, конечно, – нормально сохранились... А вот и выемка в стене. Точно в том месте, где написала – и нарисовала – старуха.

Таня подошла к противоположной стене пещеры и осторожно просунула в отверстие руку. Если бы дело было в кино, ее сейчас наверняка укусила бы какая-нибудь тварь. Таня затаила дыхание. Просунула руку дальше. Никто не кусал. Рука вошла по локоть. Ну, и что теперь? Таня пошевелила пальцами. Ничего. Но ей казалось, что там, дальше, дыра расширяется. Но дотянуться туда она не могла. Что же делать? Таня вытащила руку.

Рукав был весь в пыли. Запястье содрано. Ну, если бабулька пошутила – она мне ответит за это! Лично в Париж приеду и волосенки ее седенькие повыщипаю.

Таня огляделась. Глаза вполне привыкли к темноте. Все в пещерке различалось как на ладони. И тут она увидела на полу у той же стены какой-то предмет. Подняла. Это была железка длиной с полметра. На конце она изгибалась. Кажется, это такая штуковина, которой в русской печке шуруют. Слово забыла... Кочерга!.. Да, кочерга. Ее, эту кочережку, кто-то будто нарочно сюда положил. Неужто прапрабабка, княгиня Савичева? Когда прятала чемоданчик? Восемьдесят лет назад? Специально для меня? И она, эта железка, здесь до сих пор лежит?.. А почему нет? Ведь, по всему судя, в пещере сто лет никого не было. Вон сколько пыли на полу... А железка не просто ржавая, а вся прямо трухлявая. Железо аж слоится... Ну что, еще попытку? Таня знала, что, пока она не посмотрит, что же там, в стене, она отсюда ни за что не уйдет. Есть не будет, спать не будет – не уйдет. Don't give up!¹ – почему-то вспомнились слова английской песни.

И еще отчего-то афоризм: «Количество сдавшихся намного превышает число побежденных». Нет, она не из таковых. Она не любит проигрывать. Сдаваться – тем более.

¹ Не сдавайся! (англ.)

Таня осторожно просунула кочергу в отверстие. Она ушла туда вся. И еще рука почти до локтя. Но там, впереди, чувствовалось расширение пространства. Она повертела кочергой вокруг ее оси. Запястье опять ободралось о камни. Зато кочерга вертелась! А ну-ка попробуем! Таня зацепила кочергой за камень изнутри. Дернула. Черта с два! Железяка соскочила. Ну-тка, еще разик! Нет, камень не поддавался. А ну, еще – взяли!..

Промучившись минут пять, Таня вытащила в кровь ободранную руку и опустилась на пол пещеры. Что еще можно придумать?.. Сейчас покурить бы... Она с досадой вспомнила, что сигареты остались в сумке, которую она швырнула на прибрежные камни. Ну не спускаться же!.. Да и что тут придумаешь? «Трясти надо», как говорится в анекдоте. Таня впервые пожалела, что не взяла с собой мужика. Хотя бы Печального Гарика. Силенок, черт возьми, не хватает. Не бежать же сейчас за каким-нибудь качком. «Мужчина, не могли бы вы помочь мне достать сокровища?» Нет, надо попробовать еще раз. Зря она, что ли, два года теннисом занимается. Вон бицепс какой – как у Кафельникова.

Подбадривая себя, она снова засунула железяку в отверстие. Зацепила кривым концом за скалу. Напружинилась что есть сил – аж в глазах поалело. Ну же!.. Камень подался вперед, на нее. Ну, еще!.. Еще несколько сантиметров... Было видно, что огромный камень чуть выступил из стены. Давай-давай, Танька, победа близка! Что есть мочи она налегла на кочергу.

Огромный камень высунулся из стены сантиметров на семь. Теперь за его края можно было схватить руками. Таня высунула руку из дыры, отбросила железяку и взялась за края камня. Дернула на себя что есть сил. Камень неожиданно легко пошел на нее. Еще рывок – и он стал медленно падать!

Камень обрушился на пол пещерки. Грохот – страшный! Она едва успела отскочить. Глаза запорошило пылью.

В азарте, зажмурившись, вслепую, Таня запустила руку в дыру. Ну?

Рука нащупала ручку чемодана.

* * *

Василий нервничал. Он прекрасно знал это побережье – так называемый «дикий пляж». Узкая кромка, огромные скалы. И море. Больше ничего. *Он прекрасно видел, как девица лезла по скале.* Сначала решил, что она – придурочная, и только потом догадался, что ее-то и ждет его босс Рустам.

Рустам строго велел: «Увидишь: на диком пляже чего ищут – звони. Мухой звони!» Василий за полгода работы всякого навиделся. И разборки на пляже видел, и художники туда приходили с натуры рисовать. Рисовали море и голых баб. Да, и баб голых он уже с Первояма наблюдает – иногда приезжают купаться. А уж секса насмотрелся... Но не это имел в виду Рустам, когда звонил время от времени по мобильному с единственным вопросом: «Ну?»

– Ничего, – честно отвечал Василий. – Вот только прибыли точка не приносит.

Рустам никак не реагировал на то, что прибыли нет. Он каждый раз говорил:

– Все будет. Но помни: упустишь – урою. Лично кастрирую без наркоза, – и вешал трубку.

И вот вам здравствуйте – девка лезла-лезла по скале (он еще боялся – или надеялся? – что сорвется) и вдруг исчезла. Куда ж она могла подеваться?! Василий сам, грешным делом, как получил задание Рустама, обследовал на рассвете, еще до работы, дикий пляж. Осмотрел скалы, чуть не каждый камень на берегу пошевелил – и не врубился, чего тут можно искать. А девица чего-то искала. И теперь вообще испарилась. Слилась со скалой.

* * *

– ЙЕС! ЙЕС! ЙЕС! – запрыгала по пещере Таня.

Клад, она нашла клад! Есть от чего в пляс пуститься. Она решила исполнить свой коронный номер – прыжок с визгом, от него на дискотеках все тащились. Подпрыгнула, завизжала – и врезалась головой в потолок. В ушах зазвенело. Вот балда: пещера-то низкая! Чуть не убилась... Было бы теперь здесь как в романах: в одной пещере и клад, и скелет...

Таня аккуратно осмотрела чемодан. Он был большой, старый, прямоугольный, фибровый. Поверх тщательно перевязан веревками. Веревки от старости потемнели. Как и сам чемодан. Закрыт он крепко. Это хорошо. Если она будет держать его в руках, то с этой скалы ни в жизнь не спустится. Придется его кидать вниз, а потом слезать самой...

* * *

Василий нервничал все больше и больше.

Братки уже подъехали.

Ближе к городу, на обочине, стояла синяя «девятка». В той части дороги, где пляж кончался, – «Ауди-100».

А девица исчезла.

Он не сводил глаз с того места на скале, где она словно сквозь камни провалилась. Бинобль уже нещадно натер ему переносицу...

И вдруг он увидел – вниз полетел какой-то довольно большой предмет. За ним чуть не кубарем скатилась девица. Она в две секунды посрывала с себя одежду и бросилась в море... Василий оценил ее безупречную фигурку и даже вздохнул от жалости – девчонка-то больше не жилец. Дурачку ясно...

Он наблюдал, как она с чемоданом возвращается к прорубленным в «Медведе» ступенькам... Видел, как по грунтовой дороге из леса выезжает новенькая маленькая машинка... «Пежо», кажется... А, так это была ее тачка...

Что дальше?... «Пежо» уверенно двигается в сторону города. «Девятка» его пропускает. Сзади на хорошей дистанции движется «Ауди». За «Ауди» трогается «девятка».

Прощай, крошка!.. Сегодня Василий получит свою законную штуку баксов и поведет ненасытную Люську в крутой кабак...

* * *

Нехороший сон приснился Марье Петровне. Не дочка ей приснилась, не внучата, не зятек Николай непутевый, а та девчушка, что на красной машинке ее подвезла и денег не взяла. И еще сто долларов за фотографию спрятала.

Снилось Марье Петровне, что Таня эта сидит в кафе. Кафе не наше – заграничное. Столики прямо на улице стоят. Люди по тротуару мимо ходят. Все красивые. Прямо фильм какой-то из ненашенской жизни.

Чего ж тут, спрашивается, плохого?

А вот бабе Маше не по себе. Может, оттого, что сидит рядом с Танюшкой за столиком человек. Только он не черный, как в прошлых видениях, а вполне нормальный. Лощеный такой, заграничный.

Разговаривают они. Все нормально вроде, а страшно бабе Маше. И чувствует она, как Танюше плохо. Как тягостно ей. Как она не говорит даже, а думает: «Ну отпусти ты

меня... Пожалей ты... Не хочу я быть с тобой... Помилуй ты меня...» А вслух ничего не произносит. Сидит и улыбается. И что-то веселое говорит. А внутри у нее, у Танюши, застыло все. Страшно ей, маотно... И Марье Петровне тоже – и страшно, и маотно...

Проснувшись она с тяжелым сердцем. Попыталась отогнать сон – не смогла. Сумрачно было на душе.

Марья Петровна опустилась на колени перед иконами и принялась истово молиться.

* * *

Это был его город.

Он всегда знал, всю жизнь свою, что он будет – его.

И вот теперь Южнороссийск полновластно и безраздельно принадлежал ему. В его руках были порты – лесной, нефтеналивной, пассажирский и обычный. Ему принадлежало пять цементных заводов. Таможня. Два банка. Рыбозавод. Швейная фабрика. Пивной завод. Базар обычный. Рынок, где торговали «челноки». Рынок автомобильный. И еще – без числа! – кафе, пляжи, пансионаты, санатории, дома отдыха: все, до последней коммерческой палатки. Все, что давало прибыль.

Нет, ни в одной бумаге, нигде не записано, что он – хозяин. По документам он не владеет ничем. Но все знают: хозяин здесь – он. И спрашивать обо всем надо – у него. И всегда делиться надо – с ним.

Да и он сам не все гребет – себе. Конечно, и ему приходится делиться. И с теми, кто наверху, и с теми, кто снизу. И Шляге, будь он проклят, приходится отстегивать. И прокурору, и городской Думе, и губернатору, и Москве... Да бог знает с кем приходится делиться! Со всеми, вплоть до последнего лоточника, чтобы тот не только силу чувствовал, но и выгоду имел... Но все равно у него – оставалось. Ох как оставалось! Два дома в городе. Три особняка на берегу. Три квартиры любовницам. Семь машин. Дом в Италии. Дом во Флориде. Квартира в Лондоне... Что еще? Два номерных счета – в Швейцарии и на Каймановых островах. Сколько там, на этих счетах? Да уж на каждом поболее «лимона». Можно уехать и жить тихо-спокойно...

Можно. Так ведь не уедешь же. До смертного часа не уедешь... Деньги – фуфло! Главное – власть. Когда ты знаешь, что никто против тебя не пикнет, а пикнет – ты с удовольствием раздавишь. Когда ты знаешь, что любая баба – хоть ты балерина, хоть целочка, хоть прохожая случайная – тебе даст... О, как это заводит!.. Разве не об этом ты думал, разве не к этому готовился, разве не об этом мальчишкой мечтал?..

Но ты мечтал не об одном только городе, напомнил он себе. Ты мечтал о крае. И даже – о стране. Город – оно, конечно, хорошо, да надо расти. Как там у Маяковского?.. «Стремиться в завтра, вперед, чтоб брюки трещали в шаг!»

Вот и шагнем. Все затрещит! Какие наши годы. Ему всего пятьдесят с небольшим, а «полтинник» для политика – не возраст. В этом году его точно выберут в Госдуму. В партийный список он уже включен. Партия такая, что осечки не будет. А там, в Думе, посмотримся и решим, куда дальше шагать... Устремимся в завтра...

Приехали.

Процессия джипов – а иным транспортом сюда не доберешься – остановилась на каменистом берегу.

Первым – по чину и на правах радушного хозяина – на камни выпрыгнул мэр Южнороссийска Павел Ильич Ильинский.

Разминая ноги, стала высаживаться депутация из Москвы.

Скоро здесь, в пятнадцати километрах от города и пяти километрах (если ехать по берегу) от пригородного курортного местечка Косая Щель, будет построен крупнейший в России нефтяной терминал.

Комиссия приехала лично осматривать место, где далеко в море уйдут трубы нефтепровода. К ним потечет через полстраны каспийская нефть, а уже отсюда супертанкеры развезут «черное золото» по всему свету.

Надо срочно продавать особняк в Щели, подумал он. И своим всем посоветовать. Скоро здесь от нефтяной пленки деваться будет некуда. Ну да это потеря небольшая... Зато какие перспективы! Правильно, правильно нефть хоть черным, да золотом называют...

А сколько боев будет! Черные снова, как о трубе прознали, сюда лезут... Будет у Шляги работы...

Одним из последних из джипа, тушуясь на фоне многочисленных официальных лиц, вылез скромный советник южнороссийской мэрии по инвестициям Михаил Ефремович Шлягун, известный всему городу, краю и (благодаря публикациям в центральных газетах и репортажам по телевидению) даже всей стране по кличке Шляга.

* * *

Когда ты за рулем уже семь лет, то машину можешь вести как бы на автопилоте. Думать о чем-то своем, радоваться или огорчаться, а дорога ведет тебя сама.

Таня – вся в эйфории от своей находки – не замечала, как она переключает передачи, подтормаживает перед поворотами, прибавляет газку на прямых участках... Краем сознания она видела яркий солнечный день за окнами машины, по-летнему сочную зелень лесов на склонах гор и огромное, блистающее море вдалеке. В распахнутые окна и люк машины врвался теплый воздух, баловался Таниной прической... Ее душа пела, а верный «пежик» словно бы подпевал и весело катил в сторону гостиницы. Мелькнул дорожный знак «Южнороссийск». Они триумфально въехали в город и начали спускаться с горы к его центру. Улица была крутой и извилистой. Мелькали одноэтажные, типично южнорусские дома – беленые, мазаные. За заборами угадывались сады. Весело краснела и желтела черешня.

Таня уже прикидывала, как ей лучше добираться до Москвы – опять на машине? А гаишники? Придорожные бандиты? Или, может, чтоб не рисковать понапрасну, лучше сесть на поезд или на самолет? А за «пежиком» потом вернуться?

Нет, самолет отменяется – там досмотр. А поезд? Может, это безопасней, чем катить через полстраны с сокровищами в багажнике?.. Да подожди, одергивала она себя сама, ты ведь даже не открывала чемодан. Может, никакого клада там и нет! Может, там старые фотографии? Или комплекты «Сатирикона» за 1912 год?.. Но сердце ей подсказывало: есть, есть – обязательно что-то есть!..

Проблему она заметила, почти подъехав к гостинице.

Исправно бросая взгляд в зеркало заднего вида на всем протяжении дороги, Татьяна только сейчас обратила внимание на то, что ее *ведут*. Уже очень давно за ней едут и останавливаются на светофорах одни и те же *две* машины. Синяя «девятка» и светлая «Ауди-100».

...Однажды она спросила отчима:

– Валерочка, вот ты все знаешь... Вчера за мной все время какая-то машина ехала... Неужели следили?

Валера деловито уточнил:

– Машина одна была?

– Одна. И мужик в ней – один.

Отчим усмехнулся:

– Понравилась, значит, ты ему. Вот и ехал за тобой, думал, может, ты колесо проткнешь, а он тебе поможет... Или просто через форточку визитку хотел протянуть... Да не случилось... Ездишь, наверно, быстро... А следят, Танюша, как минимум на двух машинах. И если ты эти машины вычисляешь – значит, работают грубо. Значит, непрофессионалы. Или *хотя*, чтоб ты заметила.

* * *

– Хрен ли ты, Куцый, так притираешься? Ведь срисует!
– Кто срисует? Девка срисует? Меня? Да она со страху, что сама за рулем, уже описалась! Едет – только асфальт и видит!

«Пежо» притормозил на красный свет пешеходного светофора. Куцый на «девятке» встал сзади. В соседнем ряду пристроилась «Ауди». Удостоверившись в том, что машины стоят, с противоположной стороны улицы на проезжую часть хлынули пешеходы.

Не дожидаясь, пока они дойдут до середины улицы, «Пежо», как укушенный, рванулся вперед.

Куцый, поспешно трогаясь вслед за ним, зацепил боковым зеркалом бабулю. Проклятия бабки достались пассажирам «Ауди», которое тоже резко дернулось с места...

* * *

– Валерочка, милый, что делать? – Танин голос дрожал от слез. – За мной следят! Я пыталась, пыталась их сбросить!.. Не получается!..

Ходасевич автоматически взглянул на часы: 19.42. Она еще успевает. Не зря он предусмотрел такую возможность и уже успел сделать несколько междугородных звонков. Он спокойно уточнил:

– Ты звонишь по мобильному?

– Да, да! Я в машине! А они даже не прячутся, стоят вон рядом!..

– Но тебя не слышат?

Валера разговаривал абсолютно спокойно – как будто они просто обсуждали очередной детективный роман. И Тане стало немного стыдно от того, что она чуть ли не ревет, как последняя трусиха. Взяв себя в руки, Татьяна ответила:

– Не слышат! Я окна закрыла! Но почему? Валера, почему?

– Спокойней, миленькая... Тебя никто не собирается убивать... И грабить не собираются... Хотели б – уже ограбили... Чемодан при тебе?

– Да! Но я его еще даже не открывала!

– И не открывай. Пока не открывай...

Боже, какой же я осел! Какой же остопоп!

Разговаривая с Таней, Валерий Петрович ругал сам себя последними словами: «Как же я отпустил ее одну! Я-то думал: пустяки, шуточки, пусть ребенок развеется. Пускай в «Остров сокровищ» поиграет. Все равно в отпуске. Никакой бабули скорей всего нет – да ведь и клада тогда никакого нет! Ну, сидит студент-славист, скучает в своей Сорбонне, развлекается, в русском тренируется... А оно вот ведь как обернулось! Нет, *такого* предусмотреть не мог никто...»

* * *

Этот банкет, казалось, не кончится никогда. «Неужели московские гости так оголодали?» – брезгливо думал Шлягун, наблюдая, с какой жадностью уничтожаются тарталетки с икрой и семужка, как набрасываются москвичи на осетринку, как пожирают копченого угря. На столе теснились бутылки с джином «Бифитер», виски «Джонни Уокер», мартини и кампари. Но чиновники по привычке налегали на водку и коньяк. Водка, впрочем, тоже была не простой, а от Смирноффа (с двумя «фф»). А коньячок – ни много ни мало – «Мартель»... Халява!

Уже были расслаблены галстуки, уже и рубашки не выглядели по-утреннему свежими... Важные господа превратились в объиравшихся халявщиков. Жрали *их* кормежку, хлебали *их* водочку, щупали *их* цыпочек... Девочек предусмотрительно посадили рядом с высокими гостями – каждой твари по паре. Потом, когда знакомство состоится, последует приглашение – для тех, кто не уснет тут же, уткнувшись лицом в салат из морепродуктов, – посетить сауну. Там уж москвичи разгуляются вовсю... А мы их – на видео. На всякий случай.

Смыться бы сейчас отсюда. Куда подальше. Хоть на работу, в уютную тишину кондиционированного кабинета...

Но Шлягун понимал, что никуда он не смоется. «Ты сам выбрал эту игру – так доигрывай», – сказал он себе. Слишком велики ставки. И его задача: сделать так, чтоб все было тип-топ.

Он встал и подошел к руководителю московской делегации:

– У вас все в порядке? Не пора подавать горячее?

* * *

– Понтырщик ты, Куцый, – злобно шипел Мрамор. – Дешевый понтырщик!

Мрамор только что позвонил Рустаму и доложил, что девица под прицелом. Еще раз спросил – брать ли ее?

Что-то в его тоне насторожило хозяина, потому что тот злобно рявкнул:

– Баба вас вычислила!

Мрамор держал паузу чуть больше, чем надо бы...

– Суки! – рявкнул Рустам и бросил трубку.

* * *

Его Леночка смотрелась на фоне этого бардака ясным солнышком. Москвичи просто пожирали ее своими масляными пьяными глазками. Кто-то потянулся пощупать... Не понимают, козлы, где *куплено*, а где – *чужое*... Леночка ловко увернулась от загребущей ручки, извинилась своим бархатным голосочком и пробралась к шефу.

– Михаил Ефремович, – официально, как всегда на людях, обратилась к нему она, наклонившись и чуть касаясь грудью плеча, – извольте получить срочное послание!

Шлягун взглянул на белый, без всяких надписей, конверт и решил шуткануть:

– Взяточку мне суешь, Ленок? Или свидание назначаешь?

Леночка кокетливо хлопнула ресницами и огляделась, чтобы их никто не услышал:

– Нет, Мишенька, официально уведомляю, что у нас с тобой будет ребенок!

И удалилась, так же ловко уворачиваясь от похлопываний пьяных москвичей.

Шлягун любовно посмотрел вслед удаляющейся Леночке. Ну и шутница она, его сладость... А может, не шутит? Если и правда ребенок? Будет – так будет! Что, еще одного не прокормлю? Уж лучше прокормлю, чем какой-нибудь инженеришка!..

Но это она все равно учудила: послания ему писать... Эх, бабы, бабы, понятия моего на вас нет...

Он разорвал конверт и внимательно прочитал текст. Перечитал еще раз. На клочке бумаги впопыхах было накорябано:

Дикий пляж. Точно – неизвестно.

«Пежо-106», гос. номер X 643 XE 77 RUS.

Женщина.

Одна.

Около 25 лет. Рост – примерно 175. Тип – славянский. Волосы – светлые. Глаза голубые.

Личность уточняю.

Так... Вот это фортель!.. Кто бы мог подумать!..

Он поискал глазами Хозяина. Тот пил на брудершафт с главой московской комиссии.

* * *

Таня тормознула у городского рынка. Он уже был закрыт, но у входа толпились торговцы всякой всячиной. «Хорошо, что я утром поменяла доллары на рубли», – мелькнула мысль.

На импровизированных лотках – перевернутых на попа ящиках – продавалось все, что угодно.

Первым делом Таня купила две «челночные» сумки – вместительные, одна в красную клетку, другая – в синюю.

Краем глаза она все время видела «пежик», припаркованный близ входа на базар в непопозволенном месте. «Хвостов» не было видно. Ну и черт с ними! После разговора с Валерой, после его умного, спокойного, рассудительного голоса она чувствовала себя совсем иначе. В самом деле: хотели бы убить – уже убили. Там же, на пляже. Хотели бы отобрать чемодан – давно бы отобрали. А она жива, здорова... И чемодан лежит в багажнике «пежика»... Может, просто прикалываются так? Познакомиться хотят?.. Она изо всех сил пыталась шутить сама с собой. Но шутка вышла невеселой. В глубине души Татьяна отчаянно трусила.

Она шла по импровизированным рядам и скупала все подряд. Первым делом – фонарик, как сказал Валера. Затем – зубная щетка, зубная паста.

Две бутылки гадкой водки – наверняка разлиты где-то в Осетии. Бутылка шампанского «Абрау-Дюрсо».

Кофе. Кипятильник.

Это что? Маринованные огурчики? Давайте сюда и огурчики... Так... Ночная сорочка из фланели. Ох какая уродливая!.. Давайте сорочку...

Продавцы, завидев девушку, скупающую все подряд, наперебой стали протягивать к ней свой товар. Таня покупала, не примеряя и не торгуясь. Спортивный костюм – «левый», с кривыми швами «адидаас»... Беру!.. Мохеровая кофта... Упаковка трусиков... Две пары колготок... Что еще?.. Так, давайте вот этот кухонный нож...

Через десять минут, пролетев ураганом по торговым рядам, Татьяна с нагруженными сумками уже подходила к «пежику».

Швырнула сумки поверх злосчастного чемодана, села за руль и выжала сцепление.

* * *

Южнороссийск – маленький город. Особенно в сравнении с Москвой. И темный. Когда Таня совершала покупки, уже смеркалось. Когда спустя десять минут подъезжала к молу, стало совсем темно.

В двух шагах отсюда был морвокзал. Там горели фонари, гуляла толпа, подъезжали машины.

Совсем рядом начиналась Набережная. Там тоже прохаживались люди.

На Набережной вдалеке была видна ее гостиница. Туда Таня скорей всего не вернется.

Здесь же, у волнолома, было совсем темно.

Таня потушила габариты, выключила зажигание.

Слежки она не замечала.

Отстали? А может, наблюдают издали?

Таня вытащила из багажника чемодан и обе сумки. Было совсем не тяжело. Или страх удваивает силы?

Таня подошла к молу. Не было видно ни зги. Тихо дышало море.

Кто-то прошуршал галькой. Она вздрогнула, присмотрелась. Глаза постепенно привыкали к темноте, и она различила сидящую на пустынном пляже парочку. Они целовались.

Таня ступила на волнолом. Камни были неровными, выщербленными бесконечным прибоем. В небольших лужицах стояла грустная вода.

Море светилось по обе стороны мола, словно указывая ей путь. Таня зашагала по молу дальше от берега.

За ней никто не шел. Никого не было и на волноломе.

Она отошла метров на пятьдесят. Отсюда были видны редкие огни Набережной и ярко светящийся морвокзал. «Но я-то в темноте, – подумала Таня. – Они-то меня не видят. Пожалуй, можно».

Она опустила чемодан и сумки на мол. Сердце колотилось – не столько от тяжести, сколько от волнения.

Таня открыла сумку и достала нож и фонарик. Ей казалось, что делает она все рассудительно и не спеша. Но сторонний наблюдатель отметил бы лихорадочную стремительность ее движений. Но не было стороннего наблюдателя. Таня еще раз осмотрелась. Никого не было.

Она разрежала гнилые веревки на чемодане. Ну?..

Замочки легко подались.

Таня распахнула крышку и посветила внутрь фонариком.

* * *

– Чего она там делает?

– Топиться будет.

– Не уйдет?

– Ты тупой, что ли, Мрамор? Куда она с мола уйдет?

– А я знаю?..

– Не, ну ты совсем дурак! Че, у нее там акваланг в сумке?.. Или к ней подлодку пошлют?

– А кто ее знает, на кого она работает...

– На ЦРУ!.. На Моссад!.. На этот, как его, Интеллиджент сервис!.. Никита-два, блин!.. – Куцего бесила тупость напарника. – Ты че, не сечешь: она же «лох»!..

– Какая же она «лох»? Она же баба.

Куцый еще пуще разозлился, когда соратник проявил неожиданное остроумие. Он на мгновение задумался: а как будет «лох» в женском роде?

– Она не «лох». Она – «лахудра»! – И он зашелся в хохоте, довольный собственным остроумием.

* * *

Таня достала из старинного чемодана большой, тугой, завернутый в бумагу и завязанный веревками рулон. Тяжелый. Что это – картины? Тогда это – потом... Она отложила рулон и взяла объемистый пакет, также обвернутый бумагой и перепоясанный бечевками. Приподняла его. Он был тяжел.

С него и начнем. Таня взрезала веревки. Потом, не жалея, разорвала бумагу. Посветила фонариком.

Значит, действительно правда...

В луче фонаря матово переливалось золото. Вспыхивали острые лучи драгоценных камней. Блистало изумительной красоты драгоценное яйцо.

* * *

Позвонил Рустам. Куцый схватил трубку как ошпаренный, не успев отключить громкую связь.

– Ну?

– Она на молу.

– Что делает?

– А я знаю?! Не видно же...

– Мудак! – вздохнул Рустам и швырнул трубку.

Мрамор с тайным злорадством слушал, как его напарника унижает по телефону более сильный господин.

* * *

Валера положил трубку, только когда у Таниного телефона окончательно сели батарейки. Он сумел дать ей все – кажется, все? – инструкции. Напоследок сказал, что все будет хорошо, чтобы она не волновалась, что он ее очень-очень любит... Сказал... Да что слова! Ему надо было быть с ней!

Ох, старый я, толстый дурак!..

Ходасевич сразу же набрал другой номер.

Полковника Козьмина дома не оказалось. Жена с видимым неудовольствием сказала, чтобы ему звонили на работу, и бросила трубку.

Отдуваясь и прикуривая пятидесятую за день сигарету, Валерий Петрович позвонил Козьмину на службу.

Телефон Козьмина не отвечал.

* * *

«Приглашаем южнороссийцев и гостей нашего города совершить увлекательную морскую прогулку, полюбоваться ночным морем, удивительными видами города...» – доносилось от морвокзала.

Таня сидела на холодном камне волнолома и тупо смотрела на содержимое пакета.

Значит, все правда? Она богата?

И что дальше?

Таня взрезала длинный, туго свернутый рулон. Развернула оберточную бумагу.

Там были переложенные плотной бумагой холсты. Подсвечивая фонариком, Таня рассмотрела их.

Какие-то разноцветные прямоугольники, треугольники, круги...

Таня не была знатоком живописи. Да и фонарик светил тускло. Но хаживала она в картинные галереи, хаживала, да и было у нее обостренное чутье *настоящего* – в жизни ли, в искусстве ли... Поэтому даже ее скромных искусствоведческих знаний и блеклого света карманного фонаря было довольно, чтобы понять – нет, не понять, скорее почувствовать: это настоящие шедевры. Вот Малевич. Еще Малевич. Это, похоже, Кандинский. Это – Ларионов, что ли? Или Кончаловский? А вот, по-моему, Пастернак... Холстов было не меньше пятнадцати. Неужто в самом деле подлинники? Это же целое состояние!

Таня, уже в азарте, взрезала следующий пакет. Книги. Отпечатаны на плохой бумаге со щепками. Сверху лежал «Садок судей». На обложке – футуристический рисунок. Тоже недешевые вещицы... Дальше!

Таня вскрыла следующий пакет.

Перевязанные ниткой, лежали несколько пачек долларов. Зеленые, довольно ветхие стодолларовые купюры...

Доллары?

Обмирая от странного предчувствия, не понимая, что происходит, Татьяна открыла последний, самый объемистый сверток.

Там опять были деньги. Пачки денег. Они были большие, аккуратно перехваченные резинками. В свете фонарика желтела бумага. Вычурные цифры гласили: «сто рублей». А на каждой банкноте замер мраморный Ленин.

* * *

На таможне сегодня опять дежурил рыжий Илюха. «Убила бы гада!» – злобно подумала Зойка. Илюха со своими отвратительными веснушками и повадками деревенского мента вызывал у нее дикое отвращение. Гнида, заморыш, потаскун несчастный! Взять бы твое это... естество да и скормить моему Анхелю! (Анхелем звали Зоиного ротвейлера.)

Илюха давно уже прикапывался к ней. Каждый рейс жарко дышал в ухо: «А несогласных – можем того... и обшмонать...»

Знает же, гад, что у нее, как и у многих других, куча долларов без декларации. Только стоит у него не на всех – ее выбрал, Зою...

– Вот говно! – пробормотала она вполголоса.

– Простите, это вы не мне? – поинтересовалась стоявшая рядом девушка.

Зоя мельком взглянула на незнакомое лицо и испуганные глаза – похоже, с ними едет новенькая.

– Не тебе, не тебе... Тому вон, гаду, – она кивнула на Илюху.

Илюха, лоснящийся и рыжий, в своей идиотской форме, тоже заметил Зою, взглянул на часы и похотливо ей подмигнул: времени, мол, до отхода хватит.

* * *

Таня чувствовала себя абсолютно чужой в этой толпе «челноков». Казалось, здесь все друг друга знают. Весело перекликаются, предвкушая веселую и пьяную дорогу. Да и таможня у них, видно, своя, купленная – вон как каждый проходящий шутит с этим рыжим парнем в синей форме. Да, здесь все свои. А ее, новичка, тут-то сразу прищучат! С ее картинами супрематистов, бриллиантами, яйцом Фаберже и пачками долларов... Ну и авантюра!..

Таня изо всех сил старалась казаться естественной. Делано улыбалась. Пыталась вслушиваться в то, что быстро говорила ей соседка по очереди. У нее плохо получалось. До сознания доходили только обрывки слов.

Вот и ее очередь.

– Гражданка, пройдемте, – едва взглянув на нее острым глазом, сказал рыжий таможенник.

* * *

– Ух ты, подфартило! – радовалась Зойка.

Кажется, пронесло – Илюха запал на новенькую! Взял ее за локоток и повел в комнату для досмотра.

Знаем мы эти досмотры. Знаем, *как* там шмонают.

Илюху сменила толстуха Верка. Ну, это баба своя в доску, к тому же хорошо прикормленная.

– Опять едешь? – сочувственно спросила Верка.

– Опять-опять, Верочка, – на всякий случай подобострастно закивала Зойка.

Верка только головой мотнула: проходи, мол.

Паспортный контроль на турецких рейсах был простой формальностью. Виза не нужна, достаточно иметь загранпаспорт. Турки в Стамбуле сами (за десять долларов) наклеят тебе в паспорт марочку-визу. У Зойки ксива опухла уже от этих марочек.

Она мухой проскочила на теплоход и закрылась в своей каюте – до отплытия оставалось еще полчаса. Вдруг ненасытный Илюха решит еще и ее попользовать – после новенькой? Ну уж нет – она ему не откроет. Все, приятель, таможня позади, вот он, заветный штампик в декларации, где написано, что она вывозит всего пятьсот баксов. В этот раз тебе не обломится!

* * *

В девять часов вечера Куцый позвонил Рустаму сам:

– Она купила билет на «Катку»!

– Твою мать!

Пауза. Куцый весь сжался. И – без перехода – Рустам продолжил:

– У тебя загранпаспорт с собой?

– Чего?

– Ясно. А у Мрамора?

– Так он же судимый! У него и нашего-то паспорта нет!

Рустам не дослушал. Он лихорадочно вспоминал, у кого из его людей может быть наготове загранпаспорт. Стоп! Но «Катка»-то уже через тридцать пять минут отчалит! Они не успевают! Завалить такое дело – хуже не бывает! Рустам поглубже вдохнул и снова потянулся к телефону.

* * *

Она попалась! Все. Привет семье. Ее – взяли.

Таня лихорадочно вспоминала содержимое чемодана. Все то, что она в беспорядке, кое-как, вперемешку с купленными на рынке вещами, побросала в челночные сумки.

Картины? Про них можно сказать, что покупала как копии, ничего, мол, не знаю. Задержат для искусствоведческой экспертизы. Но это, кажется, еще не статья...

Советские деньги?.. Большую их часть она сбросила с мола. Осталась одна пачка. С ними-то проще всего, они все равно уже не ходят, везу в подарок – хозяин магазинчика в Стамбуле туалет ими хочет обклеить...

Хорошо, а баксы? Штук десять там как минимум. Но баксы – это еще не уголовное дело, а административный кодекс. Или уже уголовное – из-за особо крупных размеров? Откуда ей знать, она сроду ни с каким криминалом дела не имела...

От денег и картин еще можно отмазаться... Но – *как она объяснит яйцо Фаберже? Бриллиантовые подвески? Платиновые часики? Тоже скажет, что покупала как копии?!!*

* * *

Илюха плотоядно осматривал новенькую. Чудо как хороша будет, если все шмотки поскидать... Что ж они, эти дуры-«челночницы», так себя уродуют, носят эти дурацкие леггинсы да мохеровые кофты? Униформа, что ли, у них такая?

Но это – не обычная «челночница». И вид у нее не наш, не южнороссийский. Столичный какой-то у нее вид. Так что ж она маскируется, под «челнока» простого косит?

И нервничает девка. Ох как нервничает. Пытается скрыть – да все равно наметанному глазу это видно.

Значит, что-то везет. Наркоту? Из России – в Стамбул? Маршрут странный. Хотя чего не бывает... А может, что вернее, – баксы? Или золотишко?

Илюха приступил к обычной процедуре:

– Гражданочка, что везем?

* * *

Уже половина одиннадцатого. Мы должны были отчалить час назад.

Что, черт возьми, происходит?

Зоя курила сигарету за сигаретой. Выйти бы, спросить... А вдруг там Илюха шляется? И на нее навалится? Нет, придется здесь сидеть до последнего. Можно пока клюкнуть пивка – как, говорится, для рывка... Нет, с этой челночной работой она точно когда-нибудь спятит! Вдруг по «Катке» сейчас идет тотальный шмон? Ведь было такое, тетки рассказывали, – когда проверяльщики из Москвы понаехали... Тогда у всех отобрали все до последнего цента. Хорошо, хоть уголовку не завели... Неужели и сегодня такая же фигня? Неужели до нее доберутся? Тогда она полный банкрот. Из ее двадцати штук баксов семнадцать были взяты в долг под десять процентов в месяц.

Зойка была «челноком» со стажем. Последним, можно сказать, из могикан. Мало их таких сейчас осталось. Вон и пароход идет полупустым. В каюте на четверых она одна.

За восемь лет чего только с ней не творили – казалось, ко всему могла привыкнуть. А до сих пор, как «лох», нервничает, когда проходит таможенную, паспортный контроль – с той ли стороны, с этой. Нервничает, когда судно – вот как сейчас – все собирается отвалить, да никак не отвалит от причальной стенки.

К половине двенадцатого Зоя уже принялась за мартини. Стоят, стоят, они все еще стоят! Или уже нет? По теплоходу прошла дрожь. Зойка выглянула в иллюминатор. Между пирсом и бортом протянулась пятиметровая полоса черной воды. Ура – поехали! За это стоит выпить.

Зойка налила себе еще мартини.

В дверь робко постучали. Теперь можно открыть, Илюха точно остался на земле. Зоя рывком распахнула дверь. На пороге стояла новенькая. Бледная как смерть, но с сияющими глазами.

– Добрый вечер! – приветливо поздоровалась она. – У меня билет в эту каюту.

* * *

Как хорошо, что Зоя крепко спит! Две бутылки из-под пива стоят на полу, и мартини она выпила почти литр – Тане досталось чуть на донышке пластмассового стаканчика. Вот крепкие эти «челночницы» – сколько влить в себя могут! Можно позавидовать. Она с такого количества сразу бы кони двинула.

Таня вслушалась в мерное Зоино похрапывание. Громко окликнула ее по имени. Та даже не пошевелилась.

Таня осторожно открыла свои сумки. Пора, наконец, повнимательней посмотреть, что там лежит.

Теперь приключение на таможне вспоминалось со смехом. Несколько нервным смехом, надо сказать.

– Откройте сумки, – приказал рыжий таможенник.

Вся трясаясь, она потянула «молнию» и закрыла глаза. Едва таможенник скосил глаза в первую сумку, в комнату для досмотра, не постучав, сунулся какой-то молоденький милиционер. Милиционер не растерялся от грозного взгляда таможенника и что-то прошептал тому на ухо.

И Рыжего как подменили!

Она сразу стала не «гражданочкой», а «сударыней». О досмотре речи уже не было. Таможенник сам закрыл ее сумки и препроводил в зал с табличкой «VIP». ВИП! Вы подумайте – ВИП! Она уже приготовилась к камере!

Она откинулась на спинку кожаного «виповского» кресла.

В зале она была одна. Сумки стояли на шикарном ковре.

Внутри у Тани все дрожало.

Тот самый таможенник лично принес ей чашку шикарного кофе, а потом проводил до трапа, юля и непрерывно извиняясь. Таня ничего не понимала, но все происходящее ей нравилось. Неясным осталось также, почему на прощание Рыжий подобострастно сказал: «И папе вашему – низкий поклон». Неужели Валерочка развил такую бурную деятельность, сидя у себя в Москве? Неужто власть отставного полковника ГБ простирается столь далеко?..

* * *

Полковник запаса Ходасевич, непрерывно куря и расхаживая по своей однокомнатной московской квартирке, набирал и набирал номер полковника Козьмина.

Тот взял трубку – причем в своем служебном кабинете! – только в половине двенадцатого ночи. Не торопился домой эксперт...

– А-а, работодатель!.. – весело отозвался Козьмин. – Вот, сию, на тебя халтуру. Кто б мог подумать, что на старости лет буду работать за бутылку!

– Что удалось установить? – рявкнул Ходасевич. – Говори быстро, у меня очень мало времени.

Было в тоне друга (и бывшего начальника) что-то такое, что полковник Козьмин перестал шутить и принялся *докладывать* – быстро, четко, тщательно формулируя:

– Письмо напечатано на принтере «Лексмарк 2050», выпущенном в июле 1994 года... Ни одного принтера этой партии в Россию легально, – Козьмин подчеркнул слово «легально», – не поступало...

Пауза.

– Дальше! – рявкнул Ходасевич.

– Бумага произведена на финской фабрике...

– Черт с ней, с бумагой!..

– На письме отпечатки пальцев двух человек...

– Стоп! Ты сказал – *двоих*?

Двоих... Юлия Николаевна – раз. Таня – два. Сам он взял письмо так, чтобы не наследить... Значит, они никому письмо не показывали и ни один человек его не читал. А *автор*?

– Двоих, – решительно ответил Козьмин.

– Ты уверен?.. Может быть, пальчики «затоптали»?.. Может, смазаны?..

– Похоже, что нет, Валерий Петрович... – Козьмин оцепенел от Валериного тона и даже стал, словно в начале их службы, называть его по имени-отчеству.

Что же это получается? «Княжна» писала письмо в перчатках? Ай да бабуленька!

– Дальше!

– Письмо написано русским по происхождению, с детства воспитывавшимся в русской языковой среде...

– Та-ак...

– Дальше начинаются вероятности, Валерий Петрович...

– Сам знаю! Говори!

– С вероятностью 95 процентов автор – мужчина. С вероятностью 90 процентов – его возраст от 45 до 60 лет...

– Ты уверен?

– Я же сказал – с вероятностью...

– Да, извини...

– Скорее всего автор – с высшим образованием, высоким уровнем интеллекта... Экстраверт... Бреда, маниакальных идей, психических отклонений, синильности не выявлено...

– Еще?

– Пока все. Послезавтра будет полная картина. А когда прикажете получить джи...

Но Валера, даже не дослушав, не сказав «спасибо» и не попрощавшись, швырнул трубку. Это было так на него не похоже!

Ходасевич тяжело опустился в кресло и уставился за окно невидящими глазами.

«Значит, нет никакой старухи-княжны.

Я так и думал...

А кто тогда есть?

Мужчина, родившийся и выросший в России. С высшим образованием, высоким уровнем интеллекта и безо всяких психических отклонений. Лет сорока пяти – шестидесяти. Он пишет Юле из Парижа и вовлекает мою Танечку в странную игру. Опасную игру».

Валера даже застонал.

* * *

Таня сидела в раздумье на паровой койке. Тусклое каютное освещение высвечивало содержимое ее сумок.

Что все-таки означает содержимое чемодана?

Откуда оно взялось? Из 1919 года?..

Картины – да. Фаберже – да. Золото – да. Все так, как описывала бабуленька. Но доллары? Ладно, допустим, что доллары тогда, в 1919 году, были такие же, как сейчас, – хотя она в этом не уверена. А рубли?.. Советские рубли? Такие рубли появились, дай бог памяти... Точно, в 1961 году – после хрущевской реформы. А в чемоданчике их было, наверно, пол-миллиона... Сколько тогда стоила машина? Семь тысяч, кажется...

Значит, никакой бабушки-княжны нет?

Так неужели тебе уже давно не ясно, что ее нет? Иначе зачем бы за тобой следили? А если следили, то почему не взяли, не ограбили, не отобрали чемодан? Напротив – дали с этими ценностями удрать за границу. Помогли в этом!

Таня с трудом распахала по карманам тысяч шесть долларов. Она просмотрела банкноты. Доллары как доллары. Но годы выпуска значились не позже 1947-го и не раньше 1972-го. Вот тебе еще одно доказательство. Таня засунула в лифчик яйцо Фаберже – оно очень удобно разместилось в ложбинке между грудями.

Теплоход, судя по малой скорости, тянули на буксире. Наверно, они пока еще в зоне приема мобильного телефона. Хорошо, что она не забыла в машине зарядить батарейки!

Таня закрыла сумки, бросила под койку. Аккуратно прикрыла дверь и поднялась по крутым и безлюдным трапам на верхнюю палубу. Откуда-то из кают доносились пьяный гам и дикое ржание. «Челноки» «отдыхали».

На верхней палубе никого не было. Перед ней сиял всеми огнями Южнороссийск. Еще можно было разглядеть разноцветье дискотек и толпу людей на Набережной.

Где-то там, за морвокзалом, за толпой и весельем, остался ее бедный «пежик». Таня не забыла включить сигнализацию и поставить замок на руль, но все равно за машину было боязно. И жалко ее оставлять – как будто любимую собаку бросаешь...

Но что переживать за «пежика»! Он все равно застрахован... Самой бы ноги унести!

Индикатор на телефоне показывал два штриха. Это означало, что пока он еще в зоне приема, но очень скоро из нее выйдет. Таня быстро набрала Валерин номер. Было занято.

* * *

Леха Мелешин слышал про Рустама много всяких баек. Болтали и про наркотики, и про рэкет, и про убийства. Но Мелешин смотрел на шефа со своей колокольни – лично его, Леху, тот никогда не обижал, всегда был с ним честен и платил исправно. Поэтому за него он был готов на все. (В разумных, естественно, пределах.)

Когда Рустам позвонил ему и велел явиться через полчаса на морвокзал, Леха не колебался ни минуты. Быстро, по-военному, собрал сумку и был на месте точно в назначенное время. В нагрудном кармане у него лежал загранпаспорт...

* * *

– Валерочка, я – на борту! – Танин голос звенел от счастья, от обретенной наконец-то безопасности. Она стояла на верхней палубе в успокаивающем и гордом одиночестве – все пассажиры или спали, или кутили. Теплоход наконец-то отвязался от буксира и взял курс на Стамбул, поэтому телефонная связь с Москвой становилась все хуже. Слыша, с каким трудом голос падчерицы прорывается сквозь шорох помех, Ходасевич решил, что он все равно не успеет внятно рассказать ей о разговоре с Козьминым и при этом еще успокоить ее. Поэтому он что есть мочи закричал: «Как только... как только окажешься в Стамбуле – сразу свяжись со мной! Сразу! И ничего не бойся, я с тобой!» Связь оборвалась. Таня выключила телефон и еще раз подумала о том, как повезло ей с отчимом. Она облокотилась на перила и стала смотреть на удаляющиеся огоньки Южнороссийска. Морской воздух нежно гладил ее горячие от возбуждения щеки...

Всего только пять дней назад она беспечно веселилась в ночном клубе. И была при этом как все. А теперь? Как все изменилось! Теперь она богата. Богата... Но впереди еще – турецкая таможня. Впереди – чужая страна. И потом – удалось ли ей оторваться от «хвоста»? И кто помог ей это сделать?

И что, черт возьми, вся эта история, в конце концов, означает?

Таня осмотрелась. Верхняя палуба казалась абсолютно пустынной. И только Алексей Мелешин, надежно скрытый шляпкой, внимательно наблюдал за девушкой.

* * *

Павел Ильич досадливо поморщился. Каждая встреча с Рустамом была для него пыткой. Одного Шлягуна еще можно вытерпеть, но уж в комплекте с этим «черным»... Он даже их дурацкий сленг не всегда понимает. Да и за репутацию свою опасается. Увидит его кто-нибудь в такой компании – и что подумает?

Павел Ильич решил отпустить машину и прогуляться пешком. Будет лучше, если даже шофер не узнает, *где мэр Южнороссийска проведет вечер.*

* * *

С утра Тане пришлось поработать доктором. Ее соседка по каюте оказалась не такой уж и крепкой. После вчерашней выпивки той было совсем плохо. Татьяна по мере сил старалась облегчить Зое тяжелое похмелье. Она укутала ее потеплей и приготовила крепчайший кофе – кипятильник работал даже на теплоходе. Напоила ее отвратительной водкой, купленной на южнороссийском базаре.

Таня чувствовала неизъяснимую симпатию к этой немолодой (но и нестарой еще), истрепанной жизнью женщине, добывающей нелегкий хлеб в поте лица своего.

Вылебав кофе, а потом и водочки, Зойка разругалась и повеселела. Вскочила с койки и стала доставать из сумки съестные припасы: домашние котлетки, жареную курочку, одесскую колбаску, копченую скумбрию, блинчики с творогом...

– А у меня ничего нет, – виновато сказала Таня. – Только это, – Таня достала из баула банку огурцов.

– Та сразу видно, что ты не наша. – Зоя говорила с характерным южным выговором, утрируя звуки «г» и «ш». – И чего маскировалась? Тоже – Штирлиц!

Таня покраснела.

– Че везешь-то? – просто поинтересовалась Зойка.

Таня замялась.

– Ладно, не ври. Ну, чего – Илюхе дать пришлось? – Зойка спросила об этом деловитым обыденным тоном.

Таня снова покраснела. Ну не объяснять же ей, как все было на самом деле и что она в самом деле везет!

– Ну, и как у него? Стручок?..

Странная робость овладела Таней при общении с этой битой-перебитой жизнью, тертой-перетертой женщиной. Она только молчала, даже не отшучивалась.

– Где в Стамбуле жить-то будешь – знаешь?

Таня пожала плечами.

– В «Мармаре» небось?

– А что это за «Мармара»? – полюбопытствовала Таня.

– Это такой отель на горе. Этажей двадцать. Пять звезд. Швейцар в перчатках и все такое... А у кого товар брать будешь?..

Таня опять стушевалась.

– А хочешь – давай со мной. Я в этот раз одна, ты одна, а бабам в Стамбуле одним делать нечего...

– Ну, может быть... – неуверенно сказала Таня.

Москва, сентябрь 1973 года

– Да! Да! Да! Да! – вопила и изгибалась под ним Лялька. Ее зубки впивались в его шею.

«Останутся следы, – отстраненно думал Антон. – Что же я скажу Белоснежке?» Но эта мысль была где-то на периферии его сознания. Его всего затопило предвкушение конца. Он шел к нему, подгоняемый снизу жаркими толчками Ляльки. Он стискивал ее раскинутые по кровати руки. Они оба были мокры от пота. Иногда он открывал глаза и в свете раннего осеннего утра видел разметающиеся по подушке черные волосы Ляльки, ее плотно сомкнутые глаза и бормочущий рот. «Давай, давай же, кончай!» – выкрикнула она, извернувшись и взяла в рот его сосок. И тут он финишировал. Мощно, долго, победительно. Она заорала, ничуть не смущаясь картонных стен общаги.

Потом он отвалился к стене и устался в потолок. Лялька еще стонала. А ведь это третий раз за два часа, подумал он. Личный рекорд. Вот это баба! Супер! Как не похожа на стыдливую, холодноватую его невесту!

Лялька приникла к его груди и стала целовать его шею и руки.

– О, какой ты! Какой ты классный! – зашептала она. – Ты – чудо. Супермужик!..

Он удовлетворенно мычал, не шевелясь.

– Боже, какой ты сильный! – продолжала Лялька, ласкаясь. – Какой у тебя большой!.. Какой ты мощный!..

Антон лежал молча и самодовольно улыбался.

Если б он знал, что эти – или примерно эти – слова Лялька Климович говорит каждому мужчине, с кем свела ее постель, самодовольства у него поубавилось бы. Не мог он знать и того, что Лялька ведет дневник своих сексуальных походов. Туда она заносит каждого нового мужчину и проставляет им оценки (по шестибальной шкале, как фигуристам). Не мог он, конечно, ведать, что окажется в этом потаенном дневнике под номером 63 и проставлена сегодня вечером ему будет достаточно скромная «четверка». Если бы Антон знал все это, вряд ли бы он улегся с Лялькой в постель. А может, наоборот, это бы его дополнительно возбудило и придало бы его мимолетному сексу с полужнакомой девушкой особенный кайф?.. Во всяком случае, то, что он будет с ней спать, причем спать сегодня же, Антон понял через десять секунд после того, как ее увидел. И она тоже поняла это. Все остальное,

весь короткий ритуал ухаживания на вечеринке в его комнате был просто прелюдией, необходимым брачным танцем, подготовкой к этому сексу воскресным сентябрьским утром.

«И еще я отомстил этой дуре, – довольно подумал Антон. – Правда, она об этом не узнает. И дай бог, чтоб не узнала. Как, кстати, скрыть от нее Лялькины укусы на плечах? И свою исцарапанную спину? Ладно, подумаю потом... Надо с ней, наверно, недельку не поспать. Она и не очень-то в постель к тебе стремится, надо честно признать... Холодно-вата... С Лялькой не сравнишь».

Лялька выскользнула из-под простыни. «Ну и фигурка, – восхищенно подумал Антон. – Настоящая секс-бомба. Груды здоровенные, красивые. Большая аппетитная задница... Правда, чуть толстовата. А через пару лет вообще расплывется, как кадушка... Но меня-то через пару лет уже с ней рядом не будет, верно?»

Лялька взяла со стола чистое полотенце, обмакнула его в таз с водой. Вернулась к кровати, уселась рядом с Антоном по-турецки и стала нежно протирать *его*, приговаривая: «Какой большой, какой сильный! Какой мальчик! Притомился, мой сладенький...» Потом она наклонилась, и Антон почувствовал ее губы. Тут же помимо воли он ощутил возбуждение. Это было уже больно. Но и сладко – тоже. «Вот это секс-машина», – восхищенно подумал Антон.

А начиналось все вчера с вечеринки, или «сейшна», как тогда говорили, в его общежитской комнате.

Поводов было два. Во-первых, Белоснежка должна была сдать госэкзамен по научному коммунизму. Во-вторых, у него, Антона, два дня назад был день рождения: двадцать один год – «очко». Отмечать день в день не стали из-за нее. Как-то нехорошо резвиться за два дня до «госа». Никто не сомневался, конечно, что его невеста-отличница экзамен сдала бы, и сдала на «пять», даже если б кутила всю ночь перед сдачей. Но сама она, такая правильная, пойти на экзамен после гулянки позволить себе не могла. Потому празднество перенесли.

После экзамена Белоснежка должна была сразу мчаться в общагу к Антону. Он к этому времени планировал уже отовариться, и она поможет ему приготовить стол. Помимо прочего, праздник имел скрытый смысл: Антон впервые должен был предъявить ее – без пяти минут супругу – своим друзьям. Он волновался.

Получилось все совсем иначе.

Когда Антон вернулся из магазина, груженный водкой, портвейном, шампанским и даже коньяком, вахтерша сказала ему, что звонила девушка. Связь через вахту общаги была крайне неудобной и использовалась лишь в исключительных случаях. Антон догадался, что звонила она. Другим девушкам он телефон общаги, кажется, не давал.

Антон притаранил покупки в комнату и спустился вниз. Разговаривать от любознательной вахтерши не хотелось, и Антон вышел на улицу к телефону-автомату. Стоял ослепительный медный осенний день. В воздухе пахло чем-то неуловимо приятным. Антону всегда казалось, что есть что-то сексуальное в этом осеннем запахе увядания.

Антон опустил «двушку» в автомат. Дозвонился на удивление сразу же. Сквозь хрипы автомата был слышен голос бабульки, охранявшей ее корпус в Лефортове. «Шевцову из 615-й, пожалуйста!» – что есть силы заорал Антон. Бабуля была более чем глуховата. Через три попытки она поняла, кто нужен, и пошла искать кого-нибудь, кто поднялся бы на шестой этаж за Шевцовой. Самой вахтерше было такую высоту не осилить.

Потянулись минуты ожидания. У телефонной будки остановилась девушка. Она выразительно поглядывала на часы. Антон отворачивался от нее. В будке, нагретой осенним солнцем, стало душно. Девушка забарабанила монеткой по стеклу. Антон повернулся и сделал умоляющий жест. Наконец на том конце провода взяли со стола трубку.

– Это Антон? – спросил мужской голос.

– Да, – ответил Антон. Он ощутил иррациональный укол ревности.

– Шевцова просила тебе передать, что она не приедет.

– Не приедет? А в чем дело?

– Она заболела.

– Чем?

– Голова болит, – ухмыльнулся парень.

– Понятно, – протянул Антон и швырнул трубку на рычаг. Разозленный, он вылетел из телефонной будки. Шваркнул дверью и едва не сшиб ожидавшую студентку.

А в это время его невеста, закрывшись в туалетной кабинке, сотрясалась от жестоких приступов рвоты...

Вот так и сложилось: злость на нее, испортившую ему день рождения; коньяк и водка почти без закуски – плюс томительные, многообещающие, сексуальные глаза незнакомой девушки, которая оказалась напротив Антона за праздничным столом... Когда стемнело, он целовался с Лялькой у окна, отгородившись от остальных гостей шторой. От ее поцелуев бросало в дрожь. Он не мог дождаться, когда уйдут гости, и знал, что она останется с ним...

...Антон лежал распластанный на постели, судорожно сжимая ее плечи. Лялька трудилась над ним. «Нет, это невозможно, – думал он. – Она съест меня. – Волна наслаждения поднималась все выше. – Ну еще, еще чуть-чуть», – молил он про себя, кусая подушку и с дикой силой хватая ее за волосы. Лялька ласкала его ртом, языком, рукою. Он уже не мог терпеть сладостной боли и не соображал: что с ним происходит, где он. Откуда-то издалека доносился посторонний стук. Наконец его пронзила острая, самая сладкая боль. Хриплый рык вырвался из его груди. Антон вдруг понял, где находится. Он лежал навзничь на своей кровати. В дверь колотили.

Лялька проглотила, запила из бутылки. «Ну что ж ты, – прошептала она. – Открывай».

– Убью гада! – прорычал он и, не одеваясь, пошлепал к двери. Он вообразил, что это друзья пришли к нему за опохмелкой. Рывком отворил дверь в коридор.

На пороге стояла она.

– Прости меня, – сказала она заготовленную фразу и шагнула в комнату.

Тут она увидела в беспощадном свете уже наступившего дня все: сбитую постель, голого Антона с еще не успевшим опасть тюльпаном, обнаженную раскрасневшуюся Ляльку, которая сидела на постели и с интересом и превосходством смотрела на гостью.

– Ах вот оно как... – прошептала она.

Потом она – нет, не заплакала, не закричала – точным и мощным ударом заехала Антону по щеке. Удар был такой, что в голове его загудело. Что есть силы швырнула в стену перевязанную ленточкой коробку. Лялька в ужасе пригнулась. Девушка развернулась, шандарахнула дверью так, что отвалился кусок штукатурки, и побежала, рыдая, по коридору. Чтобы догнать ее, Антону надо было еще успеть одеться... Догонять он не стал...

«Какие же все мужики сволочи», – писала вечером в свой дневник Лялька.

«Вот это я влип», – тупо думал этим вечером Антон, напиваясь с друзьями.

А она ни о чем не думала. Она ревела в своей комнате, уткнувшись в подушку. В один момент обрушился весь созданный ею мир, в котором царил красивый, умный, стройный Антон. Летели к черту все ее планы красивой свадьбы, счастливой и спокойной жизни рядом с ним и ребеночком, маленьким человечком... Она рыдала, она ненавидела Антона, она жалела себя. Но не сомневалась в двух вещах: во-первых, Антон ее больше никогда не увидит. Никогда. И никогда она не сможет быть рядом с ним. Она предательства не прощает.

А во-вторых, ребенка она, несмотря ни на что, оставит. Да она и не может его не оставить. Доктор вчера сказал, что срок уже четыре месяца.

* * *

Рустам чувствовал свою вину и вел себя смирно, без обычного гонора. Он в десятый раз повторил:

– Ну уверен я был, что она поедет в Москву. И людей заготовил, все чики-чики. Сопроводили бы в лучшем виде. Кто ж знал, что она – в Стамбул...

– **Ты, ты** должен был знать, – жестко сказал Шляга.

Павел Ильич прервал их перепалку.

– Рустам, расскажите, – он намеренно обращался к нему на «вы», – каких людей все-таки удалось достать на Стамбул?

– Да выбор-то где! Какой такой выбор! За полчаса найти! Чтоб и в городе, и загранпаспорт был!

– Я дал вам полтора часа, – жестко сказал Павел Ильич. – Будьте добры, уточните. – Он был подчеркнуто вежлив.

– Ну – Завгар и Гымза. С этими ясно. А вот старший, Мелешин...

– Что? Что с ним?

– Начальник охраны мой. Десантник. Медведя завалит. Но...

– Что – «но»? Договаривайте!

– Он хочет сказать, что не уверен, будет ли тот мочить, – пришел на помощь к Рустаму Шлягун.

– Что ж ты таких ссыкунов себе в начальники-то охраны берешь? – возвысил голос Ильинский, непринужденно переходя на «ты». – А?!

Крыть было нечем.

– Почему сам не поехал?

– Так ведь в городе дела... – стал оправдываться Рустам.

– Дела? Знаем твои дела. Быстро найди мне тех, кто *сможет*. Двоих, а лучше троих. С нормальными паспортами. Отправляй их в Стамбул. И ты с ними. Ясно?

Рустам осклабился.

– Утром есть рейс из Краснодара. Будут проблемы с билетами – звоните мне, решим... Время есть. Глаз с девки не спускать!..

Рустам и Шляга слушали его молча. Вот поэтому он, а не какой-нибудь Шляга здесь главный. Потому что он, Павел Ильич Ильинский, умел из самого критического положения найти выход. И выход этот был самым разумным.

Именно потому – а не из-за власти или из-за денег – слушали все *его*.

Стамбул, 27 мая 1999 года

Пароход «Екатерина Вторая» подходил к Стамбулу.

Мелешин стоял на верхней палубе и с любопытством смотрел на прорисовывающиеся в дымке дома с разноцветными крышами.

Вот пароход вошел в пролив. Впереди маячил мост – точь-в-точь такой, как в Москве близ Парка Горького, только раз в сто больше.

Вот и он в первый раз выбрался за границу! Выбрался морем, как мечтал в детстве. Повезло ему в этот раз с работенкой. Когда Рустам осторожно показал ему «объект» – симпатичную испуганную блондинку, – Леха втайне обрадовался. И тому, что она молода и красива. И тому, что она, похоже, не должница и не стукачка. Судя по всему, просто курьер. Можно сказать, почти коллега.

Ну а раз коллега – ворон ворону глаз не выклюет.

* * *

Полпервого ночи Рустам вместе с двумя своими приспешниками выехал в Краснодар. Машин на трассе почти не было, и они неслись под двести, только шины визжали на крутых поворотах. Рустам сам сидел за рулем.

В отличие от прочей южнороссийской и столичной братвы, прочно усевшейся на неповоротливые американские семейные автомобили (джипы), он обожал спортивные машины. Ездил Рустам на антрацитно-черном «Корвете» 1996 года. Он купил бы себе и «Феррари» (средства позволяли), но счел, что это будет слишком вызывающе. На всем побережье был, говорят, всего один «Феррари» – у Евгения Кафельникова. Но ему такие понты гаишники и налоговики, наверно, прощают.

До краснодарского аэропорта они долетели за час.

Там их ждал неприятный сюрприз.

Чартерный рейс до Стамбула, назначенный на восемь утра, откладывался... на сутки! Как пояснил дежурный по аэропорту, с которым Рустам поговорил *очень конкретно*, не набрали достаточного количества пассажиров. «Челноков» нынче стало мало.

Рустам был взбешен.

Остаток ночи ушел, чтобы попытаться зафрахтовать самолет на Стамбул.

Однако подходящих самолетов в аэропорту не было.

Утренним рейсом Рустам с подручным вылетели в Москву.

Затем – переезд на таксере из Внукова в Шереметьево-2 и билеты на рейс «Туркиш айрлайнз», вылетающий из столицы в стамбульский аэропорт Ататюрк. Себе Рустам взял первый класс, подручные летели по обычному тарифу.

В аэропорту Ататюрк бандиты оказались точно по расписанию. В желудке у Рустама бултыхалось не менее полутора литров халявного спиртного.

В аэропорту им шлепнули марочку-визу. Рустам стал в очередь на паспортный контроль. Офицер взял его паспорт. Рустам изо всех сил таращил глаза после бессонной ночи, двух перелетов и трех бутылок «беленькой». «Айн момент», – сказал пограничник и стал изучать его паспорт. Смотрел он в него долго, хмурясь.

А еще через секунду Рустам ощутил, как на его запястьях щелкнули наручники.

* * *

«Сколько же здесь рыбы! – удивлялся Мелешин. – И кефаль, и камбала, и крабы! Вроде бы и море одно – Черное. Только у нас оно все какое-то мертвое, одни зеленухи. А тут – такое изобилие...»

Мелешин не спускал глаз с девушки. Та выглядела веселой и вполне отдохнувшей. Кажется, она и не подозревала о том, что кому-то поручено за ней следить. Девушка ступила на берег и замахала, подзывая таксиста. Она громко сказала водителю, садясь в машину: «Marmara, please».

Алексей сел в следующую машину и приказал, с трудом подбирая английские слова, ехать как можно ближе за вот этим такси. Шофер недовольно скривился, и Мелешину пришлось долго вспоминать, как по-английски будет «хорошие чаевые».

* * *

«Неужели мне удалось... как это, слово такое есть... *оторваться? Сбросить хвост?*» – радовалась Таня, сидя в безопасном тепле такси. Она с любопытством смотрела по сторонам и удивлялась, почему на улицах не видно женщин в паранджах и мужчин в чалмах – ей раньше всегда казалось, что жители Стамбула выглядят именно так. Но нет, город казался вполне европейским. Многие женщины были одеты в элегантные – в основном длинные – платья. Правда, у некоторых на голову было накинута что-то вроде длинного полупрозрачного платка. Многие мужчины выглядели совсем по-европейски: в белых рубашках, галстуках, хорошо сшитых костюмах. Они выходили из дорогих машин. Встречались, однако, и довольно-таки зачуханные экземпляры, с трехдневной щетиной и какие-то немытые.

Дома тоже выглядели по-разному.

В районе порта в каждом здании был магазин. Многие назывались по-русски – Таня только удивлялась: «Дружба», «Москва», «Одесса» и даже «Южнороссийск». Было множество домиков с надписью «HOTEL» или даже по-русски «Гостиница». Из окон гостиниц свисало белье.

«Браво, «челноки»! – подумала Таня. – Ай да Зойка!.. Турок – и тех научила говорить по-русски!»

С не меньшим интересом Татьяна наблюдала за сумасшедшим движением на дороге. Автобусы были переполнены. Люди свисали с подножек. Было немало наших «шестерок» и «девяток». А вот «Пежо» она пока не видела ни одного.

Казалось, здесь ездят, вообще не соблюдая никаких правил. В Москве машины хоть на красный свет останавливаются, а здесь гонят как хотят. За десять минут они два раза чуть не врезались – она даже зажмуривалась, а водителю хоть бы что, держится за руль одной рукой и подмигивает своей пассажирке. Татьяна спросила – в надежде, что шофер поймет по-английски:

– Is this difficult to drive in this city?²

Тот улыбнулся и ответил с каким-то грузинским акцентом:

– Канэшна, нэт.

* * *

Мелешин несколько раз пытался завязать разговор с водителем. Но тот как воды в рот набрал – усиленно делал вид, что пассажира не понимает. Однако впереди идущую машину, в которой сидела девушка, они ни разу не потеряли из виду, хотя движение в городе было абсолютно безумным. Алексей, хоть и был классным водителем, тысячу раз подумал бы, прежде чем сесть за руль в Стамбуле. Наверно, водитель молчит потому, что сосредоточен на дороге. Нервная у местных таксистов работенка. От такой к сорока годам поседеешь.

Наконец Танино такси свернуло на относительно спокойную улицу, и Мелешин немного расслабился. Движение здесь было не столь интенсивным – значит, они точно ее не потеряют, если уж на такой сумасшедшей дороге не упустили. Алексей еще раз повторил таксисту про «хорошие чаевые». Тот только пожал плечами.

² Не трудно ли здесь водить машину? (англ.)

* * *

Таня предвкушала горячую ванну с пеной. И свежавыжатый апельсиновый сок, который она попросит принести прямо в номер. И пушистый халат, в который она облачится после ванны, – Зоя, кажется, говорила, что в «Мармаре» дают халаты?

Татьяна еще никогда не жила в пятизвездочных отелях. Теоретически, конечно, она могла себе это позволить и раньше – но как-то в голову не приходило. Зачем тратить на пустую роскошь честно заработанные деньги, если ей и в «трех звездах» неплохо?

Но теперь все изменилось. Теперь она богата. Она, конечно, не спустит все свои сокровища на дорогие гостиницы, но разок-то можно себе позволить!

– Далеко еще? – поинтересовалась она у водителя уже по-русски. Они петляли по каким-то пустынным, узким переулкам. На тротуарах никого не было видно – только на перекрестках сидели на корточках какие-то душманы. На ветру полоскалось свежавыстиранное белье.

Шофер покачал головой – мол, уже рядом.

И тут откуда-то из двора на огромной скорости выскочила машина и перегородила им дорогу. Визг тормозов такси гулким истерическим эхом прокатился по переулку...

* * *

Каждый раз, когда Танино такси сворачивало, а они – еще нет, у Алексея замирало сердце. Ему все казалось, что сейчас его «объект» куда-нибудь исчезнет. Но они тоже поворачивали и видели такси – и Мелешин успокаивался... Переулки становились все уже и уже. В одном из них водитель резко затормозил...

Танино такси тоже стояло – прямо посередине.

И дорогу ему перегородивала какая-то черная машина.

– Стоп, стоп! – закричал Алексей.

Но его водитель дал по газам и с криком «*Mafia!*» резко свернул в небольшой «рукавчик».

Мелешин действовал быстро. Он выхватил руль из рук шофера, успев крикнуть своим помощникам, которые сидели на заднем сиденье: «Держите его!»

Они втроем за несколько секунд выкинули водителя из машины, и Алексей, не колеблясь, сел на его место. Он мгновенно развернулся и помчался обратно...

Танино такси по-прежнему стояло посреди переулка. Багажник был открыт.

А черной машины уже не было. Девушка потерянно стояла возле такси, и ее водитель что-то горячо ей втолковывал...

Алексей понял – груз «ушел».

* * *

Мелешину было страшно – чуть ли не впервые в жизни. Когда они с дедом попадали в шторм на своем утлом «Альбатросе», когда он в армии мочил «дедов» – он никогда еще не боялся так.

Так, как сейчас, когда он звонил сказать, что упустил груз.

* * *

Гостиница была роскошной. В ресепшн внизу играл струнный квартет. Официанты в белых перчатках разносили аперитивы и кофе. Шастали богатые старухи. На их сморщенных декольтированных шеях побрякивали бриллианты.

Портье с холодным любопытством осмотрел Танин «челночный прикид», но в номере не отказал. Ему лишь бы платили. А тут девушка – русская, судя по всему, – размахивает пачкой наличных. Странно все в этой России! В газетах пишут, что там одни забастовки и голод, но портье еще ни разу не встречал *голодных* русских. А гостей из России в пятизвездном отеле останавливалось немало. И совсем не «челноки».

Татьяна проигнорировала высокомерные взгляды, которыми ее одаривал персонал гостиницы. Она мельком посмотрела лишь на карточку-визитку, которую ей выдали на ресепшн. На месте имени было написано «Тануа», а вместо фамилии – отчество: «Ivanovna». Таня только улыбнулась. Турки! Что с них взять – все перепутали!

Вертлявый мальчик-портье принес ее багаж в просторный светлый номер. Она торопливо сунула ему доллар – поскорей бы остаться одной! – и без сил опустилась на огромную кровать, застеленную шелковым покрывалом.

Номер был *идеальным*. Прохладная чистота, мебель из натурального дерева, пушистый ковер на полу. Ванная отделана мрамором, висит не меньше десятка махровых полотенец разных размеров. В ванной – отводная трубка телефона... И вся эта роскошь – для нее, Тани. В первый – и последний! – раз в жизни.

«Вот и кончилось мое богатство, – с грустью думала она. – Вот я и снова *обычная девушка Таня. Не будет виллы в пригороде Парижа, не будет и спортивной машины...*»

Она, не вставая с кровати, дотянулась до барного шкафчика и вытащила оттуда бутылочку с ромом. Обычно она никогда не пила раньше шести вечера, но сегодня ей просто необходимо было отметить свою убедительную победу.

Ром мгновенно ударил в голову. Таня закусила солеными орешками, которые тоже нашлись в баре, и подумала: «Наверно, все это жутко дорого».

Эх, была бы она богата! Никогда бы больше не выгадывала, не высчитывала, что и где купить подешевле. И жила бы только в таких гостиницах! *Надеюсь, у меня достаточно денег, чтобы расплатиться за ром и орешки из бара...*

Татьяна пересчитала те доллары, которые она догадалась рассовать по карманам, – их оказалось почти шесть тысяч. Этого с избытком хватит, чтобы оплатить любой счет даже в такой крутой гостинице. И на билет до Москвы хватит. И на... А на что еще? Что она будет делать дальше? Просто вернется домой?

Таня перекатилась на другую сторону кровати, к тумбочке с телефоном – ее мобильный в Стамбуле не работал. Она набрала Валерин номер и, ожидая соединения, подумала: «Звонок из гостиницы, наверно, тоже влетит в копеечку...»

* * *

Валерий Петрович хорошо знал свою падчерицу.

Он выслушал все ее заверения в том, что она сегодня же вылетит в Москву. Он попросил, чтобы она перезвонила, когда купит билет, положил трубку – и понял.

Понял, что Таня в Москву завтра не вернется. Понял, что она не отступится от своей мечты о сокровищах. И все его просьбы-мольбы – бросить это темное дело! – пошли впустую. Бабули-княгини нет? Вместо нее – загадочный русский мужчина, который не оставил на письме даже своих отпечатков? Таня согласна и на загадочного мужчину. И на бандитов,

которые за ней следят и которые, судя по всему, отобрали сокровища, стоило ей вывезти их за границу.

Но она сделает все для того, чтобы вернуть свой – а она уже считала его *своим!* – клад.

* * *

Шлягун в своем кабинете в мэрии Южнороссийска положил трубку телефона.

Дела складывались паршиво донельзя.

Дикая злоба разъедала все внутренности Шлягуна. Были бы рядом мудак Рустам с Мелешиним, он бы пришиб их, ни секунды не медля. Глаза бы им выдавил. Яйца раздавил.

Козлы упустили девку! Она *сорвалась*, и теперь весь его, Шляги, красивый план летел к черту!

Шляга глухо застонал, выдернул из розетки лампу и изо всех сил шандарахнул в стену.

Стало вроде полегче. Шляга достал из холодильника бутылку водки и засосал из горла. Голова чуть-чуть прояснилась. Слепая злоба отступила.

Что злиться на судьбу! Она играет в свои игры. Кто ждал, что Рустама возьмут на границе? Кто знал, что Мелешин окажется полным придурком? Эх, был бы я там, в Стамбуле! Они давно были б у меня в кармане! Я – не Мелешин.

Но если б да кабы – во рту росли бы яйца!

Надо думать, что делать дальше.

В случайности Шляга не верил. Чтобы случайный, с понтом, грабитель *случайно* выбрал из сотни пассажиров «Катки» именно ту, что везла хабару на пару «зеленых лимонов»? Ха! Расскажите это вашей бабушке.

Значит, телка не так проста, как кажется. Значит, это он. Ее сообщник. Значит, они сговорились. Наверно, еще там, в Южнороссийске.

Он в Стамбуле спокойненько, быстренько, кинув козла Мелешина, перебрал себе товар. И с понтом ушел на дно.

И что теперь? Искать его? В Стамбуле семь миллионов жителей. А он уже сейчас может быть где угодно. В Москве. В Лондоне. В Стокгольме. Если он использовал девку *втемную* и не станет с ней *делиться* – хрен мы его отыщем.

Но что-то подсказывало Шляге: телка – не лох-терпила. Она не из таковских. Бля буду, она – *сообщница*.

А коли так, рано или поздно она с ним встретится. Они должны, должны увидаться еще хотя бы раз! И вот тогда надо не щелкать хлебальником. Накрыть и *его*, и хабар.

А это значит: надо вести девицу. Сколько нужно будет – столько вести. Пусть месяц, пусть два... Хотя так долго не понадобится.

Не похоже, чтобы у девки было море бабок. Скоро у нее «капуста» кончится, она поедет в свою Москву, а вот перед этим они обязательно повидаются. Гадом буду – свидятся.

И вот тогда-то и мы с ними свидимся.

В Южнороссийске, за окнами мэрии, раскошегаривался не по-весеннему жаркий день. Михаил Ефремович Шлягун включил кондиционер и вызвал Леночку.

Секс, как и водка, его успокаивал.

* * *

Таня бесцельно шла по стамбульской набережной. Она вспомнила, как злилась всего-то позавчера, когда гуляла по Южнороссийску, что местные рестораны не вывешивают перед входом меню.

Здесь меню висели. В придачу к ним на пороге каждого ресторанчика стояли зазывалы, которые так и норовили втащить к себе посетителей. Но Татьяна злилась все равно, злилась еще больше. Только теперь не на рестораны, а на свою неудачу. Ее обманули! Ее подставили! Ее предали!

Она наконец выбрала, где поесть, и мрачно уселась за столик у окна. Быстро, как и вчера в Южнороссийске, сделала заказ и глубоко задумалась. Что же дальше?

У нее – вместе со своими деньгами – имелось больше шести тысяч долларов. И еще – яйцо Фаберже, которое до сих пор уютно гнездилось в бюстгальтере. По-хорошему – это уже состояние. Интересно, сколько яичко стоит? Тысяч тридцать, не меньше. Может, действительно плюнуть и вернуться в Москву? Она и так уже неплохо заработала...

Заработала? Ты разве хотела только «заработать»? Разбогатеть – и все?

*Конечно, хотела. Но еще больше ты стремишься **разгадать загадку.***

А загадка сейчас стала еще интересней.

С удовольствием поглощая острые баклажанчики, фаршированные орехами, и запивая их приятным светлым вином, Татьяна прикинула, как действовать дальше.

Взгляд, который она подняла от столика, официант воспринял как призыв и со всех ног бросился к ней. Нигде, кроме как в Стамбуле, она еще не видела такой предупредительной obsługi.

Официант немедленно притащил шиш-кебаб – огромное блюдо с тоненькими ломтиками мяса, залитыми сметаной, и горой жареной картошки.

Настроение у нее улучшилось.

Она покончила с кебабом и с нескрываемым удовольствием принялась за восточные сладости – истекающие маслом и медом пирожные с орехами. Запивала их свежесжатым апельсиновым соком. Под конец трапезы официант, непрерывно кланяясь, принес ей чашечку крепчайшего, настоящего турецкого кофе со стаканчиком ледяной кристально чистой воды.

И за все про все – всего-то восемь долларов! Ай да Турция!

Таня подозвала официанта, протянула ему щедрые чаевые – тот, показалось, хочет бухнуться ей в ноги – и поинтересовалась, далеко ли отсюда ближайший пункт проката автомобилей.

Оказалось, что до него можно дойти пешком. «Наверно, это добрый знак», – подумала Таня. К ней снова возвращалось хорошее настроение. У нее появился план.

Она вполне может себе позволить ненадолго задержаться в Стамбуле. Чем черт не шутит? И почему действительно не пошутить с чертом, используя те деньги, которые она все равно не заработала, а просто вытащила из загадочного чемоданчика?

Татьяна вспомнила, как однажды ее мама высокопарно сказала: «Чужие деньги еще никому не принесли счастья. Никогда!» Тогда дочка с ней не согласилась, и у них разгорелась привычная горячая перепалка, которая, как обычно, закончилась тем, что каждая осталась при своем мнении...

Сейчас Таня подумала: «Мамми была права!»

Не станет она тратить эти деньги на какие-нибудь дурацкие шмотки! Но и бедным их не раздаст! Она их использует на то, чтобы разгадать загадку!

Татьяна вышла из ресторана на набережную и бодро зашагала в направлении офиса проката автомобилей.

Поглощенная своими мыслями, она не замечала, что ее опять «ведут». На этот раз – четверо.

* * *

Старый жирный дурак! Эгоистичный осел. Да еще тупоголовый комитетчик.

Валерий Петрович припомнил все эпитеты, которыми его наградила Юлия Николаевна. Ничего в общем-то особо оскорбительного. Он сам себя ругал еще крепче.

– Ты немедленно вылетаешь в Стамбул! – истерично кричала его бывшая супруга. Французская тушь уже не выдерживала ее слез и растекалась по щекам неопрятными подтеками.

– Юлечка, я все еще невыездной, – спокойно отвечал он.

– Тогда сделай мне загранпаспорт! Немедленно! Я поеду сама! Раз тебе наплевать!

Валерий Петрович только вздохнул.

– Юля, с ней уже ничего не случится, понимаешь? Ее просто *использовали*. Для того, чтобы она вывезла чемодан за границу. Таня это сделала. Она им больше не нужна. Ее никто не обидит.

Юлия Николаевна нервно вскочила на ноги и залепила ему пощечину своей хрупкой лапкой.

– Как я могу тебе верить? Ты уже говорил, что нет никакого клада! «Пусть ребенок развееется!» Во что ты ее втравил?!

Ходасевич тяжело поднялся и молча отправился на кухню за валерьянкой.

На столике возле телефона лежал список номеров советских купюр из чемоданчика. Номера ему продиктовала Таня.

* * *

Итак, что же мы имеем?

Человек в черной куртке. Говорил по-английски. С акцентом? Если и с акцентом, то не с американским. Американский акцент Татьяна легко определяла на слух. Но и не с русским.

Да и сказал-то он немного: «Не двигаться! Открыть багажник!» Водитель такси ему беспрекословно подчинился...

У него был пистолет. А может быть, револьвер. Таня не особенно разбиралась в оружии.

Рост... кажется, средний рост. Волосы – светлые, даже слишком светлые. Парик? Может, и парик... Про лицо она ничего сказать не может – весь низ лица был закрыт шелковым платком. В таких любили скакать народные мстители из старых вестернов. Глаза? Глаза, кажется, голубые. Или серые. Или зеленые. Что там особо разглядишь за одну минуту под дулом револьвера!

Да, не густо. Средний рост, английский с непонятным акцентом... Черная куртка... Черный платок на лице...

Может, это он и есть – тот самый **человек в черном**, о котором говорила «колдунья» Мария Петровна? А если даже это он – что с того? Звонить старушке и спрашивать, как его искать?

Глупости все это. В колдунов Таня не верит.

Маловато зацепок получается...

Единственный путь розысков, который видела Татьяна, – это найти машину, на которой ехал грабитель.

«С машиной-то у тебя промашечка вышла», – злорадно подумала она. Несмотря на то, что Татьяна была до смерти перепугана, она успела заметить две вещи: во-первых, на авто-

мобиле не было номеров. А во-вторых, она рассмотрела на черном боку машины наклейку: «rent-a-car»³.

Значит, ей нужно найти то место, где он брал напрокат свою дурацкую тачку. Свой «Опель Вектра» черного цвета.

* * *

Валерий Петрович Ходасевич смотрел на яркую зелень своего московского двора.

Мысли его были далеко: где-то там, на стамбульских улицах, где носилась в одиночестве его взбалмошная, авантюрная, милая падчерица.

В какую странную историю она попала, думал полковник Ходасевич. Точнее, не попала, а втравил в нее самое себя. В странную – и опасную. И вляпалась она в нее – тут Юлия Николаевна совершенно права (пусть не по форме, но по содержанию) – благодаря ему, отчима, молчаливому попустительству.

И ее, Таню, надо вызволять из этого приключения. А вызволить ее, великую упрямицу, будет непросто. Для этого ее надо *убедить*, что пора возвращаться. А вернется она – уж я-то знаю Танин характер! – только если признает свое поражение. Или если разгадает *загадку*.

Но кто сказал, что ключи от загадки – в Стамбуле? Или в Париже? Или в Южнороссийске?

С таким же успехом они могут отыскаться в Москве. Или – вообще нигде...

Валерий Петрович запыхтел и закурил очередную сигарету. Пачки сигарет и зажигалки были у него разложены по всей квартире – на подоконниках, столах, в туалете, в ванной, – чтобы не приходилось долго искать курево, когда придет охота подымить. Всюду стояли и пепельницы.

Он потащился на кухню, включил электрочайник и уселся за стол, покрытый чисто протертой клеенкой. Тут же под рукой были стопки желтой, выцветшей от времени бумаги и авторучки, купленные когда-то в «Детском мире» по тридцать копеек.

Валера привык сопровождать свой мыслительный процесс записями. Может, поэтому он не сделал впечатляющей карьеры в своем таком сугубо конспиративном ведомстве. А может, напротив, именно поэтому и сделал...

Кто ж теперь поймет, сделал или не сделал он карьеру. Кто знает, чего он мог достичь *потенциально* – и чего *на самом деле* добился. Этого ни в одном личном деле не найдешь. Ни в одном послужном списке. Даже у них там, в КГБ.

Только на небесах.

Валерий Петрович задумался и принялся записывать на бумаге вопросы. Всякий он начинал вопросительным знаком, словно писал по-испански – им же и заканчивал. Вопросительных знаков было много.

? – Почему письмо от «княжны» пришло именно к Юлии Николаевне –?

? – Действительно ли письма посылались из Франции –?

Жаль, конверты забрала с собой Татьяна. Осталось только одно письмо, посланное с экспресс-почтой (оно сейчас находилось на экспертизе у Козьмина).

? – Какое отношение автор писем – по заключению Козьмина, русский по происхождению мужчина лет 45–60, с высшим образованием и высоким уровнем интеллекта – имел к сокровищам –?

Ну, на этот вопрос может быть самый простой ответ: именно он когда-то этот самый клад и прятал. Но тогда:

? – Что помешало ему сейчас самому воспользоваться этим кладом –?

³ «Арендованная машина» (англ.).

Действительно – что?

Он инвалид и прикован к постели?

Он осужден в России за тяжкие преступления и полагает, что будет схвачен, едва переступит границу? Но сейчас есть столько возможностей – особенно там, на юге, – перейти границу нелегально...

Может быть, он знает, что за сокровищами идет постоянное наблюдение, и боится попасть в руки бандитов? Но тогда почему он послал на это дело – подставил, можно сказать, – случайного человека, Таню? Подставил безо всякой для себя пользы и смысла, зная, что клад все равно отберут?

Наконец:

? – Почему бандиты не отобрали у Тани сокровища сразу же –?

Почему дали ей уехать в Стамбул? Может быть, они рассчитывали загрести жар чужими руками? Хотели, чтобы она вывезла сокровища за границу, и там уж спокойно отобрать их? Но решение об отплытии в Стамбул пришло к Тане случайно и в последний момент. Она с таким же успехом могла бы отправиться в Москву. Или сдать клад в ближайшее отделение милиции...

? – Может быть, те, кто следил за Таней, рассчитывали, что она со своим чемоданом выведет их на нечто более ценное –?

На что именно? На еще большие ценности? Но что может быть ценнее того, что содержалось в чемоданчике – ведь, если верить Таниному взгляду (пусть чересчур поспешному, зато цепкому), сокровищ там было на несколько миллионов долларов?

А может, Таня ошиблась? И в чемодане всего лишь была искусная обманка: копии картин, дутое золото, стекляшки вместо бриллиантов? Тогда его красная цена – не пара миллионов, а несколько тысяч долларов. И почти все они, кстати, остались у Тани... А вот ежели это обманка, тогда содержимым чемодана запросто можно рискнуть – если, конечно, в нем имеется какой-то *ключ*, который может вывести на настоящие сокровища... Или, может, благодаря этой приманке охотились не за другими ценностями, но за *человеком*? Ловили, так сказать, кого-то на живца?

Было еще несколько вопросов – более мелких:

? – Почему задержали теплоход –?

? – Почему отпустили Таню, когда таможенник уже готов был осмотреть ее сумки –?

? – Что за странная фраза таможенника: «Папе вашему кланяйтесь»? Что за «папа» у Тани объявился –?

? – Кому, короче говоря, по силам это все организовать? Задержать пароход? Пропустить на борт человека без досмотра? – ?

? – И кому выгодно –?

Да, вот это – вопрос вопросов: кому все это выгодно?

Полковнику Ходасевичу никогда – ни в книгах, ни в жизни – не были интересны проделки маньяков. Всякие там убийства, совершаемые спятившими людьми. Он рассматривал следствие как шахматную партию и любил, когда по ту сторону доски сидит умный, хитрый и ловкий человек. И самым главным всегда было – и оставалось – ответить на вопрос: *а зачем он, этот человек, вообще сел играть?* Ответив на него, можно ответить и на все остальные.

Пока, думай не думай, ответ на него, а следовательно, и на другие поставленные им вопросы не просматривался.

Валерий Петрович вздохнул и распечатал новую пачку «Родопи».

Коль скоро информации явно мало, чтобы хотя бы начать размышлять, – что ж, придется добывать информацию.

И начинать надо с чемодана. Точнее, с его содержимого.
Валерий Петрович достал записную книжку и потянулся к телефону.

* * *

Подполковник Сергей Жилин, проработавший в системе МВД всю жизнь, был одним из бесчисленных друзей (или добрых знакомых) полковника Ходасевича.

Ходасевич умел дружить. И умел помогать людям. Поэтому они, в свою очередь, любую его просьбу воспринимали чуть ли не с радостью: как же, представилась okazия отплатить Валерию Петровичу добром за когда-то сделанное им добро! Можно помочь самому Ходасевичу!.. Потому и просьбы его, всегда высказанные в самом наимягчайшем тоне, люди воспринимали, словно спущенный с самого верха беспрекословный приказ. И выполняли куда быстрее и четче, чем приказ.

Подполковник Жилин раньше работал в системе ОБХСС. Сейчас он был на пенсии, а дачи у него вроде бы не имелось – посему Валерий Петрович рассчитывал застать его дома.

– Привет, Сереженька, – мягко сказал в телефонную трубку Ходасевич. – Что ж ты в такую жару дома кукуешь?

– Так ведь у меня особняков на Рублевке нету! – весело отозвался Жилин. – Не то что у моих подопечных!..

– Ну и радуйся, что нету!.. Особняки пылесосить долго!

– Ничего, я б тебя нанял – отсасывать-то! – сказал Жилин и захохотал.

– Вот он, типичный уровень ментовского юмора, – вздохнул Ходасевич. – Эх, милиция-милиция... Ладно, Сереженька, у меня времени мало, поэтому я к тебе сразу с просьбкой...

– Слушаю, Валерий Петрович! – радостно откликнулся Жилин.

– Возьми карандаш-бумагу, записывай. Нужно установить, когда – год, месяц – печатались банкноты образца 1961 года. Все – сторублевки. Пиши номера и серии... И еще: проверь, «чистые» ли они или где-то у вас светились...

И Валерий Петрович продиктовал Жилину номера тех сторублевок, что Татьяна не утопила вместе с чемоданчиком в южнороссийской бухте, а взяла с собой как сувенир в Стамбул.

* * *

Павел Ильич Ильинский чувствовал себя беспокойно.

По привычке анализировать все свои ощущения до конца, до самого доньшка, он разобрался в причинах беспокойства и понял: это связано с чемоданчиком, девицей и Шлягуном.

Павел Ильич брился. Зеркальная стена в ванной, отделанной мрамором, отражала полного мужчину с обвислыми, почти женскими грудями, поросшими седым волосом. В седых кустах в паху пряталась маленькая пиписька.

Зато лицо было на загляденье. Умное волевое лицо с буравчиками глаз. Лицо настоящего руководителя.

Павел Ильич вставал раньше всех в доме. Жена и сын еще спали. «Кто рано встает, тому бог подает», – любил поговаривать Ильинский. Если не хочешь, чтоб тебя съели, ты должен знать все, что делается в городе. И приходиться на работу надо раньше всех. Чтобы видеть из своего кабинета, как торопятся на службу секретутки и чиновнички. Почему-то зрелище спешащих подчиненных придавало Павлу Ильичу дополнительные силы.

Освежившись одеколоном «Хьюго Босс», Павел Ильич вышел на кухню. Эта его городская квартира была огромной по стандартам простого населения, но крошечной в сравнении с прочим жильем, имевшимся у мэра: всего-то три комнаты.

Павел Ильич сделал сам себе яичницу с салом, разрезал пару помидоров, густо намазал бутерброд черной икрой. Он любил поесть, особенно с утра, невзирая на любое похмелье. За едой хорошо думалось.

Значит, этот дурак Шляга упустил чемоданчик. Говорил же ему: лучше синица в руке, чем журавль в небе. Нашла эта телка место, взяла чемодан – надо было ее тут же замочить, деньги и золото поделить. В конце концов, все это нам принадлежит по праву. Стали бы на пару миллионов богаче.

Хотя зачем мне, в сущности, эта пара миллионов? Одни проблемы. Где прикажете эти картины продавать? Как вывозить?.. Хотя вывозить – фуфло. Как ты позавчера: за десять минут целый пароход на час задержал, пока этот дурак Рустам человека с загранпаспортом искал.

И телку в два счета от досмотра избавил. А что, красивую легенду придумал. Девка, мол, сучка, дочка вице-премьера, из дому сбежала, поехала по свету куролесить. Золотая молодежь, мажорка. Да и наркоша, наверно. Надобно ее тихонечко выпустить, чтоб не догадалась, что ее ведут. Да охраночку свою к ней приставить. Быстро, быстро ты для начальника порта с таможенной легенду придумал. За две минуты. Хотя они, конечно, взяли под козырек и сделали б все безо всякой легенды.

Но с объяснением – лучше. А то непонятно, почему мэр вдруг вмешивается в судьбу какой-то московской потаскушки. Пошли бы разговоры. Может, любовница? А может, героин везет? А может, и то и другое?..

А с легендой все красиво: он, Ильинский, как отец родной (городу, жителям его и вообще хорошим людям), печется о беспутной дочке большого человека. Ему да и городу всему эта забота зачтется.

«Это все хорошо, – думал Ильинский, допивая жидкий чай (кофе он не любил, заботился о цвете лица и о здоровье), – но это дело прошлое. Что дальше-то делать? Какие инструкции дать Шляге? Он ведь крутой-крутой, а без моей «руководящей и направляющей роли» – никуда. Что вообще делать? Сворачивать операцию? Отзывать всех домой? Или продолжать следить за девчонкой? Или пытаться искать этого грабителя?

Ох, не верится мне, что был он человеком случайным... Значит, надо и его искать, и за девкой следить?.. Наверное, так... Решу позднее. Шляга позвонит – я на ходу и решу.

А пока надо узнать об этой телке побольше. Может, она и не случайный человек? Может, она вовсе даже не «чайник»? Может, это *контора* затеяла дьявольскую операцию? И за Рустамом и его людьми в Стамбуле висят люди с площади Дзержинского? Тронут девку – а чекисты их цап-царап!.. (У Ильинского аж испарина выступила от таких мыслей.) Да нет, быть не может! Слишком уж все сложно!.. Если б нас со Шлягой хотели бы взять – взяли бы давно. И на чем-то попроще.

Но разузнать никогда не помешает. И прежде всего – о девчонке».

Ильинский набрал номер мобильного телефона главы южнороссийского ФСБ.

– Дрыхнешь? – сказал он намеренно злым голосом: пусть каждую минуту помнят, кто здесь хозяин.

* * *

Подполковник Жилин перезвонил полковнику Ходасевичу через пару часов.

Тот за это время выкурил пятнадцать сигарет и сделал семь звонков разной степени важности и полезности.

– Записывай! – закричал Жилин и сразу же стал диктовать: – Банкнота номер Ик 2745012 выпущена в октябре 1966 года; номер Уф 3739307 – в мае 1973-го...

– Да подожди ты!.. – досадливо прервал его Валерий Петрович. – Что за манера – скидывать всю информацию кучей? Давай-ка скажи мне: когда выпущена самая поздняя сторублевка?

Жилин зашуршал бумагами:

– В январе 1975-го.

– Ну и все! Спасибо тебе! Очень выручил! Что-нибудь о «засвеченности» есть?

– Ну, это не так скоро, Валерий Петрович.

– Ты, часом, каких-нибудь громких дел по своей линии по Южнороссийску не помнишь?

– Южнороссийск? А где это?

– У самого синего моря.

– Да нет: ты ж знаешь, Петрович, я всю жизнь в Москве... – виновато сказал Жилин.

– Ну, поспрошай у своих, ладненько?.. И я жду звонка – завтра утром, хорошо?

Ходасевич бросил трубку и стал одеваться.

* * *

Рустам сидел в своем отдельном номере с видом на море и злобно смотрел на Мелешина, который пристроился на пуфике возле телефона и упорно накручивал диск.

Будь его, Рустама, воля, он бы этого, блин, десантника сегодня же спустил бы под воду с гирьками на ногах. Трепались про него: «Парень – класс, медведя завалить может!» Да на хрен ему медведь, ему груз нужен! Пока – груз!

Да еще и эти турки с их треклятой безопасностью! Замели его на границе, мурыжили-мурыжили – только все равно отпустить пришлось. А здесь за это время груз-то и утек! Сам бы Рустам так сроду бы не прокололся! Эх, надо было сразу самому ехать, а не шкандыбать до аэропорта!

Рустам уже рот открыл, чтобы обрадовать Мелешина тем, что тот больше не жилец, но в последний момент вспомнил:

– Пацаны, кто из вас по-английски рубит?

Ответом было гробовое молчание.

Один горе-десантник негромко сказал:

– Я – немного.

Теперь дурацкий Мелешин обзванивал все конторы, в которых выдавались напрокат автомобили. А Рустам не спускал с него глаз. Не нравился ему этот парнишка, ох как не нравился...

* * *

В гостиницу Татьяна вернулась только в семь вечера, когда позакрывались все офисы. Она рухнула на свежестеленную кровать – горничные даже покрывало поменяли.

Татьяна чувствовала себя совершенно разбитой. За день ей удалось найти три конторы по прокату машин – и ни в одной из них не было в наличии автомобилей марки «Опель Вектра». Ее уговаривали взять «Линкольн», «Мерседес», «Вольво», «Рено», даже «Ладу»... От назойливых турок трудно было отвязаться. В каждом офисе ей предлагали кофе или чай. Теперь сердце от выпитого в течение дня крепчайшего кофе колотилось...

Помимо прокатных фирм Татьяна ухитрилась за сегодня проверить еще кучу дел. Сперва она отправилась на такси в «Эк Меркез» – это был, как писали в путеводителе (он бесплатно лежал в номере), самый шикарный из универмагов Стамбула.

«Эк Меркез» оказался огромным магазином величиной с ГУМ. На входе автоматчики досматривали сумки и заставляли пройти через электронные детекторы, как в аэропорту. В Турции боялись террористов.

Автоматчик внимательно рассмотрел и ощупал яйцо Фаберже, лежащее у Тани в сумке. Удивленно посмотрел на Таню и ее скромный прикид, но ничего не сказал, пропустил.

В универмаге, чистом, безлюдном и прохладном, Таня дала себе волю.

Она купила три гарнитура французского белья. Перемерила кучу джинсов и остановилась на классических синих «Ливайс» и расклешенных черных от «Гэсс». Приобрела пару футболок с видами Стамбула. Несколько кофточек. И, наконец, «на выход» купила красное платье мини от «Наф-Наф». Затем обрушилась на косметические магазинчики. В заключение приобрела темные очки от «Живанши».

Расплачивалась она всюду старинными долларами из чемоданчика. Кое-где продавцы молча удивлялись, но брали американские деньги охотно. Попробовала бы я с этим старьем сунуться к нам на Щелковский рынок, подумала Татьяна. Надо обязательно положить здесь деньги в банк и получить кредитную карточку. Но это после...

А сперва... Таня приказала отправить все свои покупки в гостиницу, а сама взяла такси и отправилась на Золотой Базар.

Крытый Золотой Базар поразил ее воображение. Его, наверно, нельзя было обойти и за пару дней. Он занимал такую площадь, что, верно, если собрать все оптовые рынки Москвы – да что там Москвы, всей России! – они свободно разместились бы на его территории. И товары были знакомыми. Примерно тем же торговали на рынках в России, только здесь ассортимент был раз в сто шире. Попадались и очень неплохие вещи.

Но Таня не стала заходить ни в одну из лавочек. Едва она поворачивала к витринам голову, турки-зазывалы, стоявшие у дверей, кричали ей: «Эй, Наташа, заходи!..» «Как они узнали, что я русская, – дивилась Таня, – ведь я же сняла свой ужасный прикид и выгляжу совсем по-европейски. Вот физиономисты!»

Таня только зажмуривалась и пролетала мимо лавчонок. Зайдешь в одну – не выберешься потом с этого базара никогда.

Вскоре она отыскала ряды, где торговали золотом.

Зашла в самую богатую лавочку. Попросила приказчика проводить к хозяину. Ее тут же отвели в заднюю комнату. Предложили кофе.

Она выложила перед приказчиком яйцо Фаберже и сказала, что хотела бы продать его. Таня, конечно, понимала, что здесь она получит едва ли треть, если не десятую часть от его настоящей цены, но не тащить же это сокровище опять через границу!.. Хозяин напряжился, молча осмотрел сокровище, достал лупу. Потом спросил, сколько она хотела бы получить за изделие.

– Тридцать тысяч долларов.

Хозяин отпрянул в ужасе, замахал на нее руками.

– Ну, а ваша цена?

– Сто долларов, – сказал тот по-русски.

Таня молча взяла яйцо и направилась к выходу.

Турок вскочил и заслонил ей дверь.

– Тысяча!.. Тысяча долларов! – завопил он.

Началась торговля по-настоящему.

Торговались они минут сорок. В конце концов сошлись на десяти тысячах.

Таня не сомневалась, что турок озолотится на этом яйце. Но ей не терпелось избавиться от чужого сокровища, к тому же оно ей вовсе ничего не стоило. А от богатства, легко пришедшего, надо и избавляться легко.

После этого Татьяна положила деньги в банк и завела себе кредитку American express. Четырнадцать с лишним тысяч долларов – это тоже неплохо. Для начала...

* * *

В газетном отделе Ленинской библиотеки знакомых у полковника Ходасевича не было. Но заместителем директора самой Ленинки работала женщина, которой Валерий Петрович в свое время – лет пятнадцать назад – оказал неоценимую услугу. Валерий Петрович позвонил ей – и никаких проволочек с доступом к нужным ему изданиям не было. Тут же, и очень любезно, ему принесли переплетенные тома.

Валерий Петрович ограничил поиски «Правдой» и «Известиями». Временные рамки он задал себе с запасом: от января 1975-го, когда была изготовлена последняя сторублевая банкнота из числа находившихся у Тани, до марта 1990-го, когда прошла реформа и сторублевки образца 1961-го перестали представлять какую бы то ни было ценность.

Он знал, где искать: интересующая его заметка должна быть на последней полосе. Либо небольшое информационное сообщение под грозным заголовком «Расхитителей – под суд», либо хлесткий, бойкий фельетон.

Полковник Ходасевич, конечно, знал, что 95 процентов информации разведчики черпают из открытой печати. Но он знал и то, что к Советскому Союзу с его скрытностью и шпиономанией эта цифра была неприменима. Дай бог, если о нужном ему деле найдется в газетах хотя бы глухой намек.

А может, о нем вообще не писали? Или не довели до суда? И оно тихо-мирно закрыто? А может, никакого дела даже не было?... Что ж, тогда придется воспользоваться другими методами. А сейчас надо с чего-то начинать.

Он зажег зеленый светильник, нацепил очки и принялся методично просматривать газеты.

...Когда Валерий Петрович вышел из библиотеки, уже стемнело.

Он махнул рукой, подзывая частника.

Погрузился не на переднее, по обыкновению, а на заднее сиденье, чтобы спокойно подумать. «Извозчики» вечно начинали перед ним исповедоваться. Сейчас это будет мешать.

Ходасевич был раздражен. Глаза болели. Плечи и спину ломило. Страшно хотелось курить.

Из подшивок ему удалось выудить немного. А главное – было совершенно непонятно, что именно из этого немногого имеет отношение к загадочному чемодану. И имеет ли вообще.

За пятнадцать лет две главные советские газеты написали о семи уголовных делах, где, видимо, фигурировали достаточно большие деньги и которые происходили в Краснодарском крае вообще и в Южнороссийске в частности. В первые годы выплывала все какая-то туфть.

Дело номер один, сентябрь 1975-го: хищения в системе потребкооперации на юге России.

Ходасевич отмел его почти сразу же. Главным образом из-за временных ограничений. «Правда» написала о нем в сентябре – значит, учитывая неторопливость тогдашних газет и их желание все на свете со всеми согласовывать, суд состоялся где-то в июне. А то и раньше.

А сколько шло следствие? А когда арестовали подельников? Наверняка раньше, чем в январе 1975-го. А именно в январе была отпечатана самая молодая купюра из чемоданчика.

Дело номер два, февраль 1977-го: взяточничество при поступлении в институты Краснодар.

А вот это запросто может быть *оно*. В газете написано, что банда взяточников орудовала на протяжении нескольких лет. Значит, лет десять минимум. За это время вполне можно сколотить на абитуриентах капитал, которого хватит на пару таких чемоданчиков.

Осудили взяточников на шесть, восемь, одиннадцать лет лишения свободы с конфискацией. Значит, они – те, кто дожил до конца срока, конечно! – уже на свободе. Ходасевич записал их фамилии.

А главное – почему второе дело представлялось перспективным: раз банда, так сказать, орудовала, прикрываясь личинами советских преподавателей (в том числе – подумать только! – марксизма-ленинизма), значит, у людей могло хватить ума собирать не только золото-бриллианты, но и Малевича с Кандинским. Последние в качестве объекта накопления как-то нехарактерны для провинциальных воров в законе, барменов или расхитителей социалистической собственности. А вот для вузовских профессоров – в самый раз...

По причине убогой провинциальности возможных фигурантов Валерий Петрович скептически отнесся к перспективам дела номер три. Заметка о нем вышла в декабре 1979-го. Называлась она «По заслугам!», была без подписи и состояла строк из двадцати. Речь в ней шла о хищениях сырья на Южнороссийской швейной фабрике. Ни одной фамилии не называлось. Говорилось глухо: «Преступники приговорены к различным срокам лишения свободы. Незаконно нажитое имущество конфисковано». А кто они, те преступники?..

Водила, обиженный тем, что пассажир-толстяк в диалог не вступает, только дымит себе на заднем сиденье, разбрасывая пепел куда ни попадя, развил уж очень большую скорость. При повороте на Нижнюю Масловку машину едва не занесло. Тут же с обочины вылетел гаишник и вскинул светящийся жезл. «Сроду вас здесь не стояло!» – заорал шофер, притираясь к обочине. Остановился, сдал назад и вылез, шандарахнув дверью так, что затушил Валерин «Ронсон».

Вас тут не стояло... Валерий Петрович вдруг похолодел от мысли, которая только сейчас пришла ему в голову: а если преступники вообще не из Южнороссийска? Если они откуда-нибудь из Караганды, Чимкента или Ленинграда?.. А почему бы, собственно, нет? Южнороссийск – место почти курортное. Живет себе человек где-нибудь в Питере, каждый год навещается под Южнороссийск в санаторий и пополняет там свою сокровищницу. А потом его берут или он умирает...

Ежели так – все его построения насмарку. И вся его сегодняшняя работа – коту под хвост. И вообще – грош ему цена.

Но нет, нет, так не может быть, успокаивал он себя. Те, кто следил за Таней, чувствовали себя вольготно. Так в чужом городе себя не ведут. Они явно *местные*. А потом: кто-то ведь остановил пароход. Кто-то дал команду пропустить Татьяну без досмотра. Что, из Питера это делали? Нет, это орудуют свои. И преступник был свой, южнороссийский.

Вернулся шофер, весьма довольный:

– На двадцатку наказали!

– Дело наживное, – буркнул Ходасевич. Платить за шоферские лихачества он не собирався. Так никакой пенсии не хватит, даже полковничьей.

Насколько все было бы проще, если б он до сих пор был на службе! Просмотреть оперативные разработки по Южнороссийску – совсем не то, что выискивать сообщения «из зала суда» в газетах. Читать оперативные документы – занятие хоть и куда более трудоемкое, зато привычное. И в отличие от газет пишут его коллеги *точнее*.

Но в *контору* ему вход заказан. Слишком уж громко он хлопнул тогда дверью... Никогда он терпеть не мог непрофессионалов. Ну, а уж если *чайники* начинают учить тебя жить и работать – как тогда, в 91-м, – вообще туши свет.

Свои ребята, конечно, в «доме два» остались, но обращаться к ним означало подставлять их. На это можно пойти только при крайней нужде. Такой момент, чувствовал Ходасевич, еще не наступил. А пока постараемся обойтись своими силами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.